

18+

Владимир Гораль

Приключения

моряка

Паганеля

Владимир Гораль

Приключения моряка Паганеля

«Издательские решения»

Гораль В.

Приключения моряка Паганеля / В. Гораль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510952-1

Полярным летом 1980 года экипаж малого рыболовного траулера 1321 «Жуковск» из Мурманска умудряется попасть под арест за незаконный промысел в территориальных водах норвежского острова Медвежий. Советские рыбаки случайно или по чьему-то циничному сценарию оказываются в самой гуще необыкновенных и опасных приключений. В центре этих эпических событий юнга по прозвищу Паганель и его старший друг и наставник, настоящий морской волк, боцман Бронислав Друзь.

ISBN 978-5-00-510952-1

© Гораль В.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Аннотация	7
Глава 1. Купель	8
Глава 2. Остров Медвежий	11
Глава 3. Здравствуй, Сеня!	14
Глава 4. Под медвежьим крылом	17
Глава 5. Лирическая	21
Глава 6. Обыкновенное чудо	23
Глава 7. Паруса Катти Сарк	26
Глава 8. Поэтический вечер боцмана Друзя	30
Глава 9. Страсти по «Титанику»	33
Глава 10. Честный Урсус	39
Глава 11. Таинственный остров	42
Глава 12. Нуук	45
Глава 13. Два капитана	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Приключения моряка Паганеля

Владимир Гораль

© Владимир Гораль, 2020

ISBN 978-5-0051-0952-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Горелов Владимир Владимирович (псевдоним Гораль) родился 21.02.1962 в г. Ангарске Иркутской области. Закончил в 1989 году Мурманское мореходное училище им. И. И. Месяцева по специальности «штурман-судоводитель». Работал матросом и штурманом на российских и иностранных рыболовецких траулерах с 1979 по 2007 годы.

География промысловых рейсов от Норвегии, Исландии и Гренландии до тихоокеанского побережья Южной Америки. От африканской Гвинеи до антарктической Южной Георгии. Автору повести довелось сживать на мели в Белом море и на Патагонском шельфе. Тонуть на своём траулере во время урагана у берегов Ирландии. Побывать под арестом с судном и экипажем в Норвегии, Западной Сахаре и Аргентине и даже – в «гостях» у сенегальских морских пиратов.

В результате накопления у автора ядрёных морских впечатлений, вплоть до критической массы, получилась эта КНИГА-БОМБА. Не в том смысле, что автора поразила внезапная Мания Величия, а в том, что Бомба – это лышяя орская йка. **БОМБА**

Аннотация

Полярным летом 1980 года экипаж малого рыболовного траулера 1321 «Жуковск» из Мурманска умудряется попасть под арест за незаконный промысел в территориальных водах норвежского острова Медвежий. Мирные русские моряки невольно оказываются в самой гуще необыкновенных и опасных приключений. Командир норвежского сторожевика «Сенье» майор Свен Бьернсон, арестовавший «Жуковск», зачем-то приводит траулер в не отмеченную на карте, потаённую, не заметную с моря шхеру-фьорд. Здесь, по его словам – ненадолго, он рыбаков и оставляет. Неподалёку от места стоянки траулера, на скалах, находится пещера, ведущая в глубокий огромный грот. В этом мрачном гроте ещё со времен Второй мировой размещается ныне заброшенная секретная база нацистских подводников «Кригсмарне» – «Лабиринт». **и**¹

Эту базу-грот решила использовать в своих зловещих целях таинственная группа подводных террористов-диверсантов. Советские рыбаки случайно или по чьему-то циничному сценарию сталкиваются с этими морскими злодеями. Чтобы попросту выжить, они вступают с диверсантами в жёсткое смертельное противостояние. На помощь русским приходит местный «островной Робинзон» – старый норвежский рыбак по имени Верманд Вард. Впрочем, на самом ли деле этот седобородый Верманд норвежец, да и всегда ли он был рыбаком? В центре этих эпически-героических событий, происходящих на полярном острове, – восемнадцатилетний курсант мурманской мореходки, романтик и книголюб юнга Владимир по прозвищу Паганель. Всегда рядом с ним – старший друг и наставник, настоящий морской волк, боцман из боцманов Бронислав Друзь.

¹ Кригсмарине (нем – военно-морской флот) – официальное наименование германских военно-морских сил в эпоху Третьего рейха. . *Kriegsmarine*

Глава 1. Купель

– Паганель, шевели помидорами, салабон! – зычно гаркнул дюжий матрос, зловеще помахивая в воздухе окровавленным шкерочным ножом. Я стоял в дощатом рыбном ящике, облаченный в ркен-бксы: грязно-оранжевый прорезиненный рабочий комбинезон и такую же куртку с капюшоном. Стоял я враскоряку, неуверенно держась на ногах, в съезжающей на лоб зелёной пластиковой каске. К тому же – по колено погрузившись в живую, прыгающую и пахнущую солёными огурцами, крупную, свежевывловленную треску. «Жуковск», наш траулер-бортовик, после подъема трала встал носом на волну. Капитан планировал небольшой двухчасовой переход к месту новой постановки трала. Началась привычная килевя качка и вахта, пятеро матросов палубников принялись шкерить улов. *о у а* ^{2 3}

Погода была свежая. Судно то задирало нос вверх, обнажая щербатый форштевень, то, словно ржавая субмарина, зарываясь в волну, браво шло на погружение. Я исполнял славные обязанности подавалы. Заклучались они в том, чтобы в «темпе вальса» подбрасывать трех-, пятикилограммовых рыбин под палаческий тесак матроса-головоруба. От нашей с ним расторопности зависело, будут ли вдоволь обеспечены обезглавленной рыбой трое опытных шкерщиков. Если же они начнут простаивать, то откроют рты и начнут говорить. Тут уж мало не покажется. Если в этот момент их услышит какая-нибудь случайно проплывающая мимо беременная полярная акула, то у несчастной непременно случится выкидыш. Я никогда не отличался особой ловкостью и сноровкой, и сейчас у меня были проблемы. . . если бы только у меня! Проблемы были и у всей моей смены. Дело в том, что для того чтобы быстро и качественно переработать улов, поднять трал и приняться за следующую порцию добытой рыбы, вахта должна быть опытной и сработанной. В противном случае, – а благодаря мне он был точно противным, – выработка снижалась, ну и заработок соответственно. Пока же скорбное поприще помощника палача осваивалось мной не слишком успешно. В своем первом рейсе я узнал о себе много нового. Помимо банальностей в адрес моей мамы, мне открылась тайна моего родового древа. По мнению моих коллег, в числе моих предков были не только обычные животные, но и какие-то неизвестные науке «мартыны косорукие». Наш старпом – тучный бородатый мужчина лет пятидесяти пяти – походил на слегка неухоженного Хемингуэя. Имя, как и судьбу, он имел трудное: Владлен Георгиевич Дурачнко. Был он человек эрудированный и, как многие моряки, начитанный, а потому выражался порой чрезмерно литературно. Вдоволь налюбовавшись из штурманской рубки на мои кувыркания в рыбном ящике, он торжественно и печально произнес по громкой связи: *е*

– Неизданная глава из «Детей капитана Гранта»: Паганель на промысле, или Муки тресковы.

По-настоящему на меня не злились. Многим из экипажа я годился в сыновья и, видимо, пробуждал здоровые родительские инстинкты. Слава богу, что не другие. . . впрочем, тогда это еще не вошло в моду. Виноват был матрос, тупо опоздавший на отход в рейс по причине чрезмерных возлияний. Меня же в срочном порядке выслали на замену прогульщику из вахтенного резерва отдела кадров.

С бортом 2113 «Жуковск» свела меня, как видно, судьба. Но это я понял позже. А тогда я, 18-летний курсант четвертого судоводительского курса мурманской мореходки, был направлен на плавательную практику; для начала – матросом без класса. Это через год после сдачи госэкзаменов и получения диплома штурмана-судоводителя ждала меня практика штурмана-стажера. А пока – салабон, «зелень подкльная» или просто – юнга. Малый рыболовный моро-

² Бортовик – траулер бортового траления.

³ Шкерить – разделять шкерочными ножами выловленную рыбу.

зильный траулер бортового тралня номер 2113 «Жуковск» имел дурную славу. Редко год-два обходился он без ЧП. Бывало, в шторм кого з борт волной направит, и – «пишите письма...» Бывало, кому грузовым гаком в висок ни за что. **и е а**⁴

А потом следствия, проверки... Моряки называли «Жуковск» «Заходя – не бойся, уходя – не плачь». Борт 2113 и захочешь – не забудешь: тут тебе и 21 – карточный выигрыш в «очко», и 13 – «чертова дюжина». То есть, будучи опасным для моряков в смысле несчастных случаев, траулер, тем не менее, как рыбак, был удачлив и чаще всего возвращался в порт с полными трюмами. А все же бортовичок решил напомнить мне, салаге, о своей дурной славе... Как-то в ночную вахту поднимали мы на борт «авоську».⁵

Я должен был бегом переносить от кормы к баку «бешеный конец» – траловый трос.⁶

При подъеме трал затягивался тросами в верхней части, превращаясь в подобие авоськи с рыбой. «Бешеным» конец назывался потому, что при волнении он мог «сыграть», сорваться, и его полупудовый гак – грузовой крюк – вместе с бешеным тросом дуэтом пропели бы старинный романс: «Милый, ты не вспомнишь нашей встречи...»

Конец этот переносили быстрым аллюром, да и весь подъем трала проходил в том же темпе. Смутно помню упругий, плотный контакт своего молодого девственного тела с чем-то массивным и влажным. Помню гордый, одинокий полет в ночи. Помню смачный, чувствительный шлепок своих ягодиц о жесткую, как асфальт, и жгучую, как кипяток, ледяную воду моря Баренца. Больше не помню ничего, только секундное удивление от происходящего: «Приехали, что ли?!»

После ребята рассказали, как я, вскользь задетый сорвавшимся «бешеным» тросом, мощно шмякнулся о каучуковый понтон и, подпружиненный, по красивой параболе направился за борт. Сыграли тревогу: «человек за бортом», но пока трал не поднят, судно – объект маломаневренный, и мало что можно сделать. Быстро подняли трал, а там – сюрприз. Вахта впала в шоковое состояние в полном составе. Моя персона вывалилась из авоськи вперемешку с центнером живой рыбы – этаким «тресковым королём»: медленно и вальяжно. Все было при мне: члены, чресла, обязательный при работе на палубе спасжилет и аккуратная половинка зеленой пластиковой каски на вполне целой башке. Сам же спасенный, плотно покрытый чешуей, царственно переливался перламутром, словно новорожденный наследник самого Посейдона. Медперсонал на малых судах не предусмотрен. Случись что, связываются по рации. Затем полный ход, и – куда ближе: в порт или к плавбазе. Туда, где есть врач или хотя бы фельдшер. В моем случае помощь была близка. Истинный человек Возрождения и просто светлая личность – боцман Бронислав Устинович Друзь. Моряк от Бога, боцман от черта, в сорок шесть лет успешно сдавший экзамен и получивший степень фельдшера. Устиныч прекрасно играл в шахматы, мастерил из ракушек, ушных камней и глазных хрусталиков крупной рыбы оригинальные шкатулки и сувениры. Рисовал лаковые миниатюры по дереву, писал стихи...

Хотя стихи, оригинальная муза народного поэта Б. У. Друзя, это «Песнь песней» и тема особая. Последствия моего недолгого пребывания в роли Садко ужасными не были. Я был торжественно внесен в салон, причем ногами вперед. Нёсшие моё скорбное тело товарищи, правда, вовремя спохватились и принялись меня кантовать. Это мероприятие закончилось драматичным ударом потерпевшего головой о переборку. Последнее и привело его – то есть меня – в чувство...

Боцман в роли фельдшера принял к пострадавшему медицинские меры, причем как научного, так и народно-целительского характера. Морской эскулап уколол меня камфарой,

⁴ Гак – такелажно-грузовой крюк.

⁵ Авоська – куток, конечная часть трала, место скопления улова.

⁶ От кормы к баку – с задней части судна в переднюю.

угостил дозой нашатыря и от души, темпераментно растер спиртом. Причём приличная часть его была насильно введена внутрь моего организма перорально...

Мне стало приятно, и сказал я, что это – хорошо!

Натолкавшийся в салон почти в полном составе экипаж, во влажной робе и в сухом штатском, дружно и облегченно выдохнул. После чего большинство решило поддержать вновь рождённого – и также приняло перорально, причём неоднократно.

– Ты, Вальдамир, теперь крещёный! – провозгласил боцман.

Устиныч, на правах медработника, состоял при мне неотлучно все десять часов перехода до Мурманска. Обращался он ко мне по имени, но как-то странно, на норманно-варяжский лад:

– Крещен ты, Вальдамир, не грешным русским попом, а литым морским железом и солевой купелью, а потому быть тебе, подлецу, мореманом!

Велеречивость сия нашла на немолодого усатого моряка не по внезапному вдохновению, а вследствие продолжительного психотерапевтического сеанса, который он предпринял в качестве медика. В наше время это бы назвали «снятием посттравматического стресса». Естественно, что быстродействующий релаксирующий препарат с резким запахом и вкусом живого огня был успешно применен как к пациенту, так и к целителю.

Между тем судно миновало остров Кильдн и вошло в створ Кольского залива. Мы с боцманом выпили по кружке крепчайшего, цвета вишнёвого янтаря, индийского чая «со слонном». Так что к моменту постановки судна на рейд напротив рыбного порта боцман поднялся на полубак трезвее самой якорной лебедки, бршпиля. Команда с мостика: «Отдать левый якорь!» – была исполнена. Загрохотала тяжёлая якорь-цепь, и судно, слегка качнувшись, замерло в спокойных водах родного порта приписки. *и а*

Глава 2. Остров Медвежий

Этой же ночью «Жуковск» был пришвартован к причалу. Стояли мы третьим корпусом между сейнером и БМРТ.⁷

Ближе к утру меня разбудил шум, доносившийся откуда-то сверху, из пустого пространства между пдволоком и палубой над ним. *о*⁸

Слышалось цоканье десятков коготков, мерзкий писк и возня. Крысы! Меня передёрнуло от отвращения. Перед рейсом этих тварей потравили газом на спецпричале, и в рейсе их почти не было слышно. А тут за пару часов уже набежали эти «милые зверьки» с соседних бортов.

– Фу! Фу! Фу-фу-фу! – донеслось от соседней койки.

Вообще-то часом ранее на ней мирно почил боцман. Теперь же он, вместо нормального мужицкого храпа, почему-то издавал эти странные звуки, как будто дул в блюдце с кипятком. Я щёлкнул светильником в изголовье. В мертвенно-жёлтом свете ночника передо мною открылась жуткая картина. Несчастный Устиныч лежал смиренно, боясь пошевелиться, выпучив безумные глаза. На его широкой морской груди, обтянутой шерстяной тельняшкой, в позе любимой кошечки возлежала огромная, серая с проседью чучундра – портовая крыса. Длинный, розово-чешуйчатый хвост свисал до самой простыни и интимно подрагивал. Чучундра была занята противоестественным действием: шевеля острым носом с жёстким кустиком чувствительных усов, обнажив мелкие, острые зубки, она с неуёмным вожделием обнюхивала красу и гордость бравого боцмана – его роскошные серебристые усы. Бедный Устиныч, боясь напугать товарку и получить полный ужасной заразы укус, усиленно дул ей в нос, пытаясь хотя бы таким образом прекратить крысиные ласки. Однако любвеобильное существо никак не реагировало на боцманское «фу-фу». Мои нервы, и без того прищемленные стрессом при падении за борт, не выдержали, и я с визгом: «На, тварь!» – запустил в несчастного Устиныча попавшим под руку кирзовым ботинком.

После такой конфузии боцман полчаса промывал с мылом и спиртом свою осквернённую гордость. На моё легкомысленное предложение сбрить подвергшуюся надругательству растительность он невежливо ответил:

– Мошонку себе побрей, салага! О том, что видел, – никому ни слова! Или мы не друзья!

Эту страшную тайну я пронёс сквозь годы, а если и рассказывал кому, то вместо Боцмана упоминал «одного морячка».

Мое пребывание за бортом, – поскольку все обошлось, и к тому же у капитана были связи, – транспортная прокуратура спустила на тормозах и дела заводить не стала. Старый капитан «Жуковска» пошёл на повышение, был назначен мастером на современный, большой промысловик. Новым капитаном 2113 стал бывший старпом Владлен Георгиевич. Удостоверение капитана он имел давно, но по страстности натуры и недостатка связей дебютировал в этом качестве лишь теперь, получив протекцию прежнего капитана «Жуковска». С началом своего капитанства на Георгиныча, как прежде, наш мастер более не отзывался, дозволялось исключительно Владлен Георгиевич. И это правильно, потому как на корабле капитан – первый после Бога. Капитан получил новое рейсовое задание, и через трое суток судно, загрузив снабжение и топливо, отправилось к новому месту промысла.

Через двое суток перехода мы подошли к южной части архипелага Шпицберген, в район острова Медвежий. Шпицберген, или по-русски – Грмант, архипелаг суровый и неприветливый. Его шахтерская столица, Бренцбург, заселена русскими куда менее плотно, чем его

⁷ БМРТ – большой морозильный рыболовный траулер.

⁸ Подволоком – внутренняя (нижняя) сторона палубы, палубной обшивки, потолок корабельного помещения.

южные, но не слишком теплые воды – нашими промысловыми судами. Порой кажется, что на серых волнах студеного моря покачивается, дымя трубами, целый город из кораблей. *е у а*

Остров Медвежий находится между Баренцевым и Норвежским морями. С востока на остров накатывают студеные волны моря Баренца, да и с западной стороны не экватор, но море уже Норвежское. Норвежское течение, продолжение Гольфстрима, хранит эти воды ото льда вплоть до нашего Кольского залива. Хотя отдельные льдины у Шпица не редкость, а восточнее – уже царство Снежной, а вернее Ледяной королевы.

Когда-то эти места были вотчиной поморских, голландских, датских и иных китобоев. Очевидцы писали, что судам мешали двигаться китовые туши, переполнявшие эти воды. Эти ребята-китобои славно потрудились, и нынче киты здесь редкость. Хотя косатки встречаются. Одна такая красotka однажды попортила нам трал, позарившись на дармовую пикшу, сестру трески.

Треска и пикша – это сводные сестры рыбьего семейства тресковых. Почему сводные? А разная у них внешность, хотя обе красавицы. Если треска имеет малахитово-зелёную окраску и округлое тело, то пикша телом плоская, окрас у нее цвета благородного серебра, и у изголовья – темное родимое пятно. Кому как, а я нахожу его даже слегка изысканным... Ну, это к слову, а к делу – подъемы становились все беднее. Появилось много сорной рыбы: скаты, пинагоры, водянистые уродцы, – хотя их засоленная икра неплоха, – а также мелкие и средние акулы, и прочие морские бомжи. Так бывает – ведь не все коту масленица.

Так что рыба ушла...

Иной капитан скажет: «Да лучше бы от меня жена ушла!» – «И вместе с тещей!» – добавит старпом.

Где рыба? А эхолот ее знает. Может, за углом. А где БЛИЖАЙШИЙ УГОЛ? Да вот же он – высится полукилометровой горой в тумане. Остров Медвежий – настоящий медвежий угол королевства Норвегия.

Согласно советско-норвежскому договору 1978 года, наши суда могли свободно промыслять рыбу в норвежских водах Баренцева моря, а соответственно норвежцы – в наших. В ледовитых прибрежных водах архипелага Шпицберген у наших рыбаков проблемы с норвежскими рыбными инспекторами если и возникали, то только из-за размеров траловой яче. Что касается Медвежьего, то он, в отличие от Шпицбергена, находится на нечеткой границе Баренцева и Норвежского морей, и норвежцы частенько преподносили неприятные куншткки. Правду сказать, с размером траловой ячеи у наших рыбацков частенько было не в порядке, и пойманный на этом капитан в Союзе автоматом лишился лицензии. *и ю*

Опасная штука – азарт. Азартные люди проигрывают состояния, жен и детей своих, не жалея. С другой стороны, без настоящего азарта не сделаешь ни одного реального, большого дела. В конце концов, даже человек, зачатый без азарта, выходит какой-то бесцветный и квёлый. Капитан же Дурачнко как раз был человек азартный и весьма упертый, упрямый... *е*

На безрыбье мастер затосковал, хотелось вернуться из первого капитанского рейса со щитом, то есть – с полными трюмами. Оно и понятно – хорошее начало... да и тот самый охотничий азарт жег бывалого промысловика, и не просто азарт. Азарт-страсть! Вся группа наших рыбаков поднимала порожние тралы, таскала пустышки. В то же время несколько небольших норвежских судов, ловивших в своих 12-мильных прибрежных территориальных водах, за пару суток затарились рыбой до самых горловин трюмов и с товаром ушли домой, в порт.

Кораблей норвежской береговой охраны к тому же за все время никто не встречал ни разу. И Дурачнко решил. Белой апрельской полярной ночью наш ржавый диверсант вероломно пересек морскую границу королевства Норвегия и вошел в территориальные воды принадлежащего ему острова Медвежий. Ровно через минуту вышел, и тут же снова вошел, и тут же опять вышел...

Двигаясь таким противолодочным зигзагом, словно уклоняясь от торпедной атаки неприятельской субмарины, мы и поставили наш полубраконьерский трал. Одной своей половиной он находился в водах Норвегии, а другой – в нейтральных. Таким образом Владлен Георгиевич, по доброй русской традиции, пытался «и рыбку съесть, и за это не сесть»...

Так протралили-пропахали мы, «пахари моря», «запретку» пару часов и вышли в нейтральные воды на подъем трала. Рыба была – две тонны, и какая! Отборная метровая треска и пикша, упитанные ерши, полсотни крупных пурпурных, шипастых и лупоглазых морских окуней, темно-синие, с перламутровым отливом, плоские и толстые полуметровые палтусы, их младшие сестры – желтые в черных пятнах, упитанные кмбалы. Был в этой шевелящейся и подпрыгивающей компании каким-то чудом заблудившийся атлантический угорь, похожий на небольшую, извивающуюся, желтую анаконду. От такого изобилия ассортимента впали в ступор бывалые рыбаки, восхищенным шепотом, чтобы не спугнуть удачу, они приговаривали: *а*

– Ай, Дураченко! Ай, молодца! Вот так дары моря, братва! Красота-то какая!

Капитан стоял молча, грузно опершись на рыбный ящик. Он смотрел на отборный улов остановившимся взглядом, намертво вцепившись в мокрое дерево побелевшими костяшками пальцев. И только мудрый, многоопытный боцман Устиныч был хмур и спокоен.

– Заманивает он нас, зверюга, – задумчиво произнес он.

– Кто? – удивился я.

– Да он вот. Медведь, – кивнул боцман в сторону острова.

Богатые рыбой прибрежные воды западного побережья Медвежьего манили, разумеется, не только нашего капитана. Многие мастера нашей многочисленной группы советских промысловиков – мурманчан, архангелогордцев, беломорцев, калининградцев – хотели бы повторить наш удачный зигзаг по запретке. Но, во-первых, Владлен свою авантюру не афишировал, потому как знал, что свои же и заложат, а во-вторых, были и другие умники – втихаря заскакивали в терводы. *о*

Но одной лихости в серьезном деле промысла мало. Нужны опыт и интуиция, что называется – чуйка. У нашего мастера было и то, и другое, в противном случае и в самом рыбном месте будут уныло вползать на промысловую палубу тралы-пустышки. Будут приходить на борт останки разорванного в клочья тралового вооружения. К слову сказать, то навигационное и промысловое оборудование, которым были в те годы оборудованы штурманские рубки промысловых судов, производили впечатление музейных экспонатов. Один из промысловых вспомогачей – похожий на пианино донный эхолот с силуэтом подлодки на экране. *е*

Поговаривали, что это военный трофей и былая гордость технарей Третьего рейха – созданный в конце войны сонар для обнаружения вражеских субмарин. Рыба об этом догадывалась и, не слишком отражаясь на экране донника, ехидно улыбалась...

Глава 3. Здравствуй, Сеня!

В дневную вахту в урочное время проходило на всех бортах радиосоветание капитанов. Главной темой, конечно, было безрыбье. Среди прочего, будто бы невзначай, отметили, что в последние две недели пропали из виду норвежские морские пограничники. Обычно один или два сторожевика постоянно патрулировали побережье Медвежьего. Для Владлена вся эта левая информация была – как евангелие от лукавого. Трижды искушем был опытный, но азартный рыбак, и наконец, покусился... *о а а*

С воскресенья на понедельник, ранним, серым, туманным майским полярным утром, наш рыжий от ржавчины флибустьер вошел в Норвежское море... Своим крейсерским ходом в восемь с половиной узлов он за полчаса углубился почти в середину территориальной 12-мильной зоны Норвегии и нагло поставил трал. Через два часа мы начали подъем трала на борт, а через двадцать минут в рыбном ящике подпрыгивало порядка четырех тонн отборной пикши, трески и прочей красивой прелести. А еще через десять минут в тумане возник зловещий светло-серый силуэт, и чей-то грубый голос с твердым раскатистым RRR, по ужасно ГРОМКОЙ связи, повелительно произнес по-английски:

– Борт 2113, говорит корабль береговой охраны королевства Норвегия «Сень». Вы незаконно находитесь в пределах наших территориальных вод. Приказываю лечь в дрейф для приема досмотровой группы. В случае неповиновения буду вынужден открыть предупредительный огонь. *е о*

– Ну, здравствуй... мля, Сеня! – хмуро и нарочито спокойно произнес спустившийся на промысловую палубу капитан.

– Уже никто никуда не идет! – мрачно выдал шутку юмора рыжий Геша, высокий веснушчатый типчик лет двадцати с небольшим.

Геша, Генка Эпельбаум, и был тот самый матрос-прогульщик, взамен которого я попал на этот веселый борт. По смене капитанов он был прощён и лишь понижен из матросов первого класса до второго.

«Все равно что сволочь старую назначить сволочью молодой», – скалился по этому поводу Геша.

Смысл произнесенной на чужом языке грозной тирады был ясен всем без перевода. Капитан Дураченко, казалось, успокоился совершенно. Убеждённый фаталист решил сдаться на поруки своей трудной судьбе. На высокой ноте занял со стороны норвежца движок быстрого катера. Боцман Друзь опустил штормтрап с правого борта, и во внезапно наступившей тишине мы услышали тяжелое хрипловатое дыхание. Это карабкался к нам по волосатым манильским тросам штормтрапа наш первый варяжский гость... хотя нет, скорее – хозяин. Не по-нашему долговязый – метра под два, просто верста варяжская. Не по-нашему слишком рыжий – что твой огонь. Даже нашему рыжему Генке было далеко до этого пожара. В довершение полного очарования имел этот свежий кавалер пунцовую, как из сауны, с могучей конской челюстью, физиономию. Ну чисто конь!

– Внешность благородного животного, выведенного на регулярный пробздц из королевских конюшен, – без особого кураж прокомментировал это явление Геша. *е а*

– Гуд мнинг, мистер. Ай эм из мстер Дураченко, – шагнул к нему навстречу Владлен. *о а*

– Мнинг, мастер Дураченкоф. Ай эм из майор Бьернсон. Хау ар ю, мастер? – неожиданно приятным баритоном спросил «конь». *о*

– Да уж хваю... хваю полной ложкой! – безнадёжно махнув рукой, источился в знании английского языка наш кэп. *а*

От неловкой ситуации его спасло следующее явление. По стальным частям палубы глухо застучали тяжелые ботинки. Из-за правого и левого борта пятнистыми чертами, белогорячеч-

ными видениями запрыгали вниз на палубу здоровенные жуткие гоблины. В чёрных лоснящихся лапах этих монстров появились вдруг короткие штурмовые винтовки с раструбами пламегасителей. И тут произошло то, что потрясает меня до сих пор. Матросы очередной вахты и вышедшие на подвахту в помощь для обработки улова матросы вахты свободной вдруг прижались по трое друг к другу, спиной к спине.

Каждый из них занял оборонительную позицию. В руках моряков зловеще сверкнули острейшие шкерочные ножи, а у одного даже здоровенный тесак-головоруб. Лица у наших ребят стали багровыми, страшными. Боцман Устиныч, мужчина пятидесяти шести лет, среагировал так же молниеносно. Он встал третьим к двум матросам, образовав тем самым третью оборонительную тройку. Положенный ему по штату мощный боцманский нож был переделан из охотничьего. По мистическому совпадению он назывался... Медведь. Позднее остроумец Геша заявил, что вся заварушка была затеяна нашими парнями только ради того, чтобы у боцмана появилась возможность вынуть и показать норвежцам своего Медведя. Тогда же, в момент абордажа нашего траулера вооруженной до зубов лихой толпой викингов, никому смешно не было...

К слову сказать, что из бывших в момент высадки норвежского десанта на палубе матросов двое в «ЭПОХАЛЬНОЙ ОБОРОНЕ ЖУКОВСКА» – по выражению того же Геша – участия не принимали. Первым из уклонистов оказался уже вышеупомянутый Геша, ну а вторым – ваш покорный слуга...

Да, я и Генка Эпельбаум – мы стояли столбом. Это меня или Генку заменил в одной из матросских троек доблестный боцман Друзь. Самой остроумной позднее признали Генкину тираду о том, что группироваться по трое – старинная русская забава.

Гена Эпельбум, урождённый Генрих скарлович, был из поволжских немцев, переселённых во время войны в казахские степи. Товарищи шутку оценили по достоинству, и Гена наконец получил в лоб... **а О**

Сами ребята отнеслись к своему доблестному трюку, как к вещи вполне естественной. Они уже лет пять держались вместе, одним матросским экипажем. Ходили только на малых промысловиках, траулерах и сйнерах. За кордон не рвались, поскольку полугодовые рейсы их не прельщали. На промысловых малышах же рейсы – месяц-полтора. Зарабатывали они отменно, всегда работали с удивительной сноровкой. Годы, проведенные в северных морях, – а это вечная болтанка или просто крепкий шторм, – превратили их, по сути, в сработанную цирковую труппу эквилибристов, ведь они работали в море практически в любую погоду. Не удивительно, что в минуты опасности действовали они с такой же быстротой и четкостью, что и в своей непростой работе. **е**

На мои душевные муки по поводу собственного малодушия в роковую минуту мне было сказано, что это все равно, что зрителю в цирке терзаться невозможностью повторить трюки воздушного акробата. И если кто сдрйфил, так это Геша, поскольку он – один из них. Со мной же все в порядке, поскольку после всего, что мне выпало в первом рейсе, кто-нибудь другой бежал бы, причитая, от порта и кораблей в даль светлую, а потом только при одном виде и запахе рыбы поспешал бы «покричать на унитаз» в теплый мамин туалет. **е**

Однако вернемся к нашим нормнам. Гоблины впоследствии оказались нормальными норвежскими дылдами, по мне – так даже слишком дружелюбными и общительными для потомков варягов. Хотя при первом своём явлении особо очаровательного впечатления на нас они не произвели... **а**

Норвежцы, в свою очередь, таких устрашающих трюков с ножами от русских явно не ожидали. Стрелять, естественно, тоже никто не собирался. Когда планируют пострелять, не выскакивают с двух противоположных сторон...

В общем, отреагировали десантники на наши ножички правильно. Рукопашная, так рукопашная. Норвежцы, бравые вояки, мгновенно перехватили свои американские винтовки парал-

лельно палубе. При этом все, как по команде, выставили вперед правую ногу, хотя и сделали они это слегка вразнобой – не то что наши. Это была диспозиция для рукопашного боя с отказавшим или разряженным оружием. Всё, как учили в их варяжской учебке, дабы не посрамить славных предков, звероподобных дядек в рогатых шлемах. В общем, всё могло кончиться плохо, поскольку не ведали эти сопливые викинги, как способны жонглировать своими ножами наши морячки. Опытный, бывалый матрос-промысловик умел мгновенно, на лету, двумя движениями разделать подброшенную в воздух здоровенную рыбину.

– Врьфур фан, лйтнант? – рявкнул командирским рыком все еще стоящий у фальшборта краснолицый великан. *у у*⁹

Тут же пред ним возник вояка – в таком же пятнистом комбинезоне, что и у его товарищей. Он был по-цыгански, подковообразно усат, на голову ниже и еще как минимум вдвое старше своих сослуживцев.

Начальник с лицом, не предвещающим приятности, резко взмахнул рукой в чёрной элегантной перчатке, предлагая подчиненному уединиться с ним в простенке между траловой лебедкой и палубной надстройкой. По всей видимости, у старших норвежских офицеров было не принято устраивать младшим командирам разносы и прочие «эль скандль» при их подчиненных и уж тем более – при посторонних. *а*

Бойцы получили от лейтенанта отмашку «отбой». Все отошли назад и немного расслабились. Наши, поняв, что «кин не будет», попрятали свои «орудия труда и обороны» в ножны. Из-за лебедки тем временем раздавалось сердитое шипение майора и придуренное бухтнье младшего командира: *а е*

– Най, майор. Йа, майор. Деклгерь, майор... – И в конце громко и четко: – Йа, рлогс-кйптен! *а о э*¹⁰

⁹ В чём дело, лейтенант? (норв.)

¹⁰ Нет, майор. Да, майор. Конечно, майор (норв.).

Глава 4. Под медвежьим крылом

Темноволосый и невысокий лейтенант, получив изрядную взбучку от краснолицего майора, жестом без слов дал команду своим бойцам. Те так же, как и появились, мгновенно исчезли с нашей палубы. Мы кинулись к бортам. Одному нашему моряку даже повезло получить в нос чем-то весомым. Он потом клялся, что успел разглядеть предмет. Это была подпернутая снизу абордажная кошка на прочном тросике. Кошка и трос были покрыты слоем черной резины, что и спасло нос нашего друга от большого ущерба. Мы ещё успели увидеть удаляющиеся плоскодонные катера, по одному от каждого борта. Двигались они почти бесшумно, с низким, ровным гудением.

– Устиныч, поднимись, – позвал старпом из штурманской рубки.

Боцман недоуменно пожал плечами и направился к начальству.

– Чего с рыбой-то будет? Жалко, пропадает ведь добро! – тоскливо толковали матросы. – Слышь, Паганель. Ты бы сходил, студент, в рубку. Пусть хоть старпом скажет, что делать.

Старпом Сава Кондратьевич был вполне свой мужик. Сам из старинной поморской фамилии, прошел он путь от матроса до старшего штурмана. Поднявшись по трапу, я подошел к входу в штурманскую рубку. И тут я услышал нечто...

На борту нагло свистели, и не где-нибудь, а на капитанском мостике. Причем свист был мастерски виртуозным. Тут следует пояснить. Свист на бортах парусных кораблей флота российского, еще со времен его отца-основателя Петра Великого, был занятием строго регламентированным. По приказу старшего офицера в штиль главный боцман высвистывал серебряным свистком попутный ветер. Бездумное же насвистывание, могущее вызвать нежеланный и опасный шторм, строжайше каралось. Я шагнул через комингс, высокий порог штурманской рубки. Посреди рубки торчала долговязая фигура краснолицего майора.

– Прифьт, как дал? – покончив с художественным свистом, дружелюбно поинтересовался норвежец, *e a*

Я замялся с ответом, несколько опешив от столь пристального интереса к моей гипотетической интимной жизни. Не дождавшись обратной связи, майор поманил меня указательным пальцем изящной не по телосложению руки. Я с опаской приблизился. Офицер стоял напротив днного эхолта. В полумраке рубки работающий прибор освещал наши лица зеленовато-фосфорическим светом. Размеренные звуки посылаемого на дно моря эхо-сигнала, ранее казавшиеся мне уютно-убаюкивающими, теперь более всего напоминали работу кардиографа в больничном отделении реанимации. Я осторожно покосился на своего визави. В таинственном полумраке затемненной рубки он отчего-то напомнил мне немёртвого-носферту, легендарного графа Дракулу из недавно прочитанного, с трудом выпрошенного на одну ночь романа Брэма Стокера. Мне вдруг примерещилось, что я каким-то образом оказался в том самом месте книги, где оголодавший граф, покинув где-то посреди глухого океана уютный гробик, аристократически изящно расправляется с экипажем корабля. Я невольно вздрогнул, почувствовав, как чужая рука мягко легла мне на плечо. Неожиданно тихим, приятным баритоном норвежец запел: *o o a*

– We all live in a yellow submarine. Yellow submarine. Yellow submarine.

Я узнал мелодию, которую насвистывал этот не чтящий российские морские традиции иноземный флотский майор. Это был один из незабываемых хитов легендарной четвёрки «Битлз». «Желтая подводная лодка».

Норвежец, тихо посмеиваясь, тыкал пальцем в подсвеченную панель эхолота. Меня наконец осенило. Всё это время его развлекал небольшой, из зелёного светонакопателя силуэт подводной лодки, плавно покачивающийся на освещенном экране совсем не военного радиопри-

бора. Наверно, его позабавило это проявление пресловутого «советского милитаризма» в рубке мирного промыслового судна... **и**

Чем обернется для экипажа «Жуковска» непринуждённое веселье этого рыжего норвежского майора на нашем мостике – мне предстояло узнать несколько позднее...

Из состояния легкой оцепенелости меня вывели шум шагов и знакомое тяжёлое дыхание. На капитанский мостик поднимались трое. Впереди, с потертым кейсом, Владлен, за ним – боцман Устиныч и старпом.

– Да что уж теперь. Банкем не мы, – одышливо бормотал капитан, тяжело преодолевая высокий кмингс, порог рубки. **у о**

Кэп открыл кейс и вывалил на штурманский стол, прямо на навигационную карту с островом в середине, солидную горку разноцветных «крок». Это были паспорта и медицинские книжки экипажа, а также разнообразные сертификаты и квалификационные удостоверения. Свое капитанское удостоверение и сертификат с англоязычным вкладышем Владлен аккуратно положил сбоку, припечатав им судовую роль – список членов экипажа. Со стола соскользнул и упал на палубу какой-то документ в красной обложке. Я машинально поднял его. С фотографии на меня гордо взирал боцман Друзь – молодой, со смоляными, едва тронутыми сединой, знаменитыми своими усами. На фото он был в накрахмаленном белом халате. Халат этот грубо пятнала большая синяя печать. На печати извивалась змея, склонившаяся над чашей, похожей на фужер для шампанского. **о**

«Фельдшерский сертификат Устиныча!» – дошло до меня.

Капитан повернулся к норвежскому майору и сделал приглашающий жест по направлению к столу с документами.

Зри, мол...

Норвежец подошел к столу и без особого энтузиазма начал перебирать бумаги, дипломы и удостоверения. Я полусшепотом осведомился у старпома по поводу злополучного улова и печалющегося над ним экипажа.

– Устиныч, спроси у варяга – что с рыбой делать? За борт ее, или как? А то моряки переживают. Пропадает, мол, зря, – обратился старпом к боцману.

Полиглот Устиныч начал издали. Его английский был странен и пространен. В своей тяге к интеллектуальным вершинам Бронислав не обошел языкознания и при этом не искал легких путей...

Друзь изучал английский язык, пытаясь переводить и заучивать оригиналы из какой-то антологии британских поэтов XVI – XVIII веков. Кажется, это было антикварное издание тысяча восемьсот... лохматого года. Память у боцмана, как у человека, всю жизнь что-либо изучавшего, была отменной. И он шпарил оттуда, как считал к месту, целыми стихотворными кусками по-староанглийски, да ещё и с «калужским» акцентом...

Простой вопрос «что делать с уловом?» наша жертва самообразования излагал минут несколько. Из его абракадабры с некоторой вероятностью просвечивало что-то вроде:

«Позвольте не продлить мне втуне ожидание. Ответа вашего в немом томленьи жду...»

И наконец, о рыбе: «Безмолвный житель вод нас ныне озаботил».

Потрясенный норвежец впал в интеллектуальный ступор.

– Are you crazy? – хриплым шепотом спросил он престарелого вундеркинда.¹¹

В этом месте я почувствовал назревшую необходимость вмешаться. Пренебрегая субординацией, не спросив начальства, я обратился к рыжему майору:

– I'm sorry, what to do with the catch? – В смысле, что делать с уловом.

Норвежец радостно-удовлетворенно воздел руки, вроде как: ну наконец-то!

¹¹ Ты сумасшедший? (англ.)

– All that you would like to, – ответил он. Делайте, мол, что хотите. Затем покосился на боцмана, криво усмехнулся и добавил: – Only it doesn't keep people away from. Lean fish get away with crazy. – Мол, только англомана боцмана не привлекайте к этой работе, а не то рыба в свой последний час еще и рехнется...

Часом позднее нашёл я моего доброго приятеля под полубаком, восседавшим с миной оскорблённого достоинства на бухте нового швартовного троса. Лучший боцман мурманского рыбфлота терзался вселенской печалью. Я же стал каяться за свою инициативу с переводом.

– Да я тебя не виню, – с горечью молвил боцман. – Наши-то русаки, что с них взять?! Народ смысленный, но не развитый. Но этот! Ведь офицер королевский, видно же – граф, белая кость, дворянчик... и на тебе! Заладил своё: ай донт андестнд, их нихт ферштйн, йай фштур кке. Я же к нему с уважением. На языке Шекспира и Бернса, понимаешь, а он: крйзи, крэйзи!
*е у и э е*¹²

В то время как наш уязвлённый усатый полиглот удалился к себе в каптёрку под полубак, ваш покорный слуга был оперативно произведен начальством в штатные толмачи, то бишь – в переводчики. Мой английский, мягко говоря, оставлял желать... Я выезжал на нескольких десятках типичных и специальных морских фраз и выражений, вызубренных в мореходке. Не обладая и близко особыми способностями, такими, к примеру, как у боцмана, Шекспира и Бернса, особенно в оригинале, я изучать опасался. Тем не менее с моей помощью наладилась какая-никакая коммуникация.

Тут нас ждал сюрприз – майор к ожидаемому эффекту привык и про себя посмеивался. Командира береговой охраны сектора Медвежий, название острова по-норвежски звучит как Бьернья, звали Свен, ну а фамилия... Бьернсон. Я так думаю, что у его начальства в военноморском штабе, где-нибудь в Осло, а то и поближе в Тромсё, попросту было военное чувство юмора:

«Ах, у нас тут майор Медведев. А не послать ли нам Медведева в сектор Медвежий. Охранять наш родной норвежский остров Медвежий от набегов русских медведей будет браво майор Медведев... Господа офицеры, всем смеяться!»

В полдень Бьернсон вежливо объявил капитану, о том, что его траулер должен приготовиться и следовать за сторожевиком «Сень», и кроме того, официальным тоном добавил:

– Ваш траулер «Жуковск» будет препровожден в надежное место. Там вы будете находиться несколько суток, ожидая начала расследования инцидента, а также решения норвежских властей относительно дальнейшей судьбы судна и экипажа.

Наш ржавенький рыбачок в сравнении с новеньким военным красавцем «Сень», словно только сошедшим со верфи, производил впечатление блудного сына... *станелй е*

В том месте притчи, когда, капитально поистаскавшись, в сопровождении холёного и ухоженного, а главное – умного брата, волочится со скорбной физиономией... к папашке показание. *на*

Меньше чем через час наша сладкая парочка подошла к западному, покрытому высокими отвесными скалами побережью. Самым малым ходом, изрядно петляя, мы вошли в небольшой фьорд. Со стороны моря это место совершенно не просматривалось и, как позднее заметил в разговоре с боцманом второй штурман Алексеич, на карте отмечено не было.

Эта шхера должна была представлять собой превосходную базу для небольших военных кораблей и подлодок. За каким лешим норвежцы засветили её перед советскими рыбаками – мы совершенно не понимали. Нас пришвартовали к причалу, будто нарочно вырубленному в виде очень глубокой ниши в отвесной скале. Траулер полностью скрылся в этой нише под нависающим скалистым козырьком. Норвежский корабль привязался к нам вторым

¹² Ай донт андестенд, их нихт ферштейн, йай фштур икке – «Я не понимаю» – соответственно по-английски, по-немецки и по-норвежски.

бртом и остался под открытым небом. Швартвные тросы закрепили на мощных железных скобах, намертво вделанных в твердую скальную породу. Боцман, запрокинув голову, посмотрел вверх. Нависающая черная скала полностью закрывала от нас серое полярное небо. *о о*
– Под медвежьим крылом! – изрек наш народный поэт.

Глава 5. Лирическая

Между тем события продолжали развиваться. Нашу радиорубку посетил норвежский маркня – радист. Он открутил что-то в передающем блоке нашей радиостанции, после чего оную опечтал. Сторожевик «Сень» вскоре покинул таинственный фьорд. В шхре, надёжно укрытой за мощными крепостными стенами скал, было тихо и даже тепло. Однако погода за пределами этого нашего нового, укрытого от всех глаз и ветров тайного убежища продолжала ухудшаться, причём с опасной скоростью. Еще до вышеописанных событий группа советских промысловиков у острова Медвежий получила по телетайпу со спутника погодные карты. В них указывались направление ветров, перемещение и зарождение циклонов и антициклонов, зоны низкого и высокого давления и ещё много чего полезного. С геостационарной орбиты метеорологические спутники перехватили зарождение у берегов Гренландии мощного внетропического циклона. Этот ураган двигался на восток. **о е а**

Экипажи находящихся на пути этого урагана судов должны были крепиться по-штормовому. Задрить, закрыть наглухо иллюминаторы и палубные выходы воздухопроводов, после чего лечь носом на волну. Но этот приказ скорее годился для торговых судов или рыбаков на переходе. На промысле же, при средней силе шторме, нередко для высоких широт, рыба начинает массово перемещаться. Уловы от этого только увеличиваются, и рыбалка продолжается. Торговые моряки проходят мимо на своих сухогрузах, танкерах, блкерах, контейнеровзах и прочих уважаемых и солидных коммерсантах. **а а о о**

С высоты своих огромных надстроек на просторных штурманских мостиках наблюдают они через цйсовские бинокли за очередной группой промышляющих в шторм рыбаков и, как водится, обсуждают своих странных коллег, соседей по морю: **е**

«Тут даже нашего здоровяка прилично подбрасывает, а эти „пахари моря“ на своих ржавых тазиках, эти „дважды моряки“ на крохотной открытой палубе еще и суетятся – рыбку шкрят. Вон тот мелкий, что невод поднял, не утонул часом? Нырнул под волнищу, и не видать. Минуты полторы прошло. Может, помощь нужна?! А, нет, жив курилка, выскочил наверх, как пробка! Даже в воздухе завис на пару секунд. А эти-то, морячки на палубе, циркачи в оранжевых спецовках, как будто так и надо – стоят, обтекают и рыбку шкрят. Можно подумать, им за это мильёны платят. Крэйзи, просто крэйзи! Маньяки!..» **е**

Атмосферное давление между тем продолжало быстро падать. Ветер усиливался до штормового. Раздался резкий короткий гудок. Из-за черной скалы показался мощный серый форштевень – «Сень» возвращался...

Что могло приключиться? Шторм, даже ураган не помеха военному кораблю – он обязан следовать по назначению. Чтобы помешать выполнению приказа, должна быть серьезная, очень серьезная причина. На капитанском мостике ожила УКВ-радиостанция. Со сторожевика распорядились освободить стенку скалистого причала. Норвежцы собирались занять наше место, а затем уже поставить нас к своему левому, свободному борту. Экипажи справились с задачей быстро.

Наши поневоле близкие знакомцы из недоброй памяти абордажной команды оказались по совместительству еще и командой швартвной. Без своего воинственного макияжа, в серых, грубой вязки верблюжьих свитерах парни выглядели куда симпатичнее. **о**

Один из них, белобрысый голубоглазый балбес, поднял с палубы какую-то железку и изобразил зверское смертоубийство товарища. Словно злодей-самурай, он всадил свою бутфорскую катну в мягкий живот жертвы. Далее последовало натуральное кабки... **а у**¹³

¹³ Кабуки – средневековый японский театр с мужской труппой.

Парень был явно звездой корабельной самодеятельности. Он принялся дико вращать глазами и громоподобно хохотать, не забывая при этом изображать медленное и сладострастное вытягивание кишок из живота своей жертвы. Зверски убиваемый страдалец был менее талантлив и к тому же явно перепутал мизансцены. Несчастный с похвальным усердием изображал... жертву повешения...

Мученик хрипел, выкатывал глаза из орбит и вываливал наружу фиолетовый неаппетитный язык. В завершении трагедии убийца из кровожадного средневекового японца перекавалифицировался в людоеда-папуаса. Палубный лицедей принялся темпераментно исполнять вокруг дрыгающейся в конвульсиях жертвы ритуальный предобеденный танец «бон аппетит». Вся эта катастрофа сопровождалась воплями «каннибала», перешедшего, видимо, с голодухи на английский:

– Блад! Блад!

Смышлёный Геша понял шутку первым и тут же заржал молодым конём. Рыжий сообщил, что громогласное «блад» вовсе не английское blood – кровь, а совсем даже теплое, родное, столь часто употребляемое нашими мужичками исконно русское слово... Следом захохотали все наши. С опозданием, но всё же и до нас дошло, что за сцену только что изобразили перед нами эти юные театралы. Действие миниатюры как бы разворачивалось на палубе нашего «Жуковска». Той самой, на которую не так давно высадился норвежский десант. Конвульсирующая жертва – зверски зашкренный норвежский моряк-спецназовец, а соответственно, бюющийся в пене и однообразно матерящийся маньяк-убийца, не кто иной, как образ типичного, в глазах норвежцев, славного русского парня... е

В этом месте наши морячки вдруг прекратили смеяться. Продолжая улыбаться, правда, теперь ещё шире – до ушей, они, как по команде, повернули головы в сторону средней надстройки норвежца. Придерживая тяжелую клинктную дверь, на нашу гоп-компанию, улыбаясь, смотрела она, молоденькая темноволосая норвежка в белой камбузной куртке. Она не была куклой, но эти ямочки на щеках, эти темные искрящиеся глаза, и главное – её юный, заметный, как яркий лучик издалека, естественный природный шарм. Девушка более всего походила на увиденную мной через много лет в кино молодую актрису – Чулпан Хаматову. Тот же тип очарования, та же пряная азитчинка в разрезе глаз и лёгкой скуластости. Такие черты лица нередки у северных скандинавов, ведь в своих жилах они несут частицы самской и угрской крови. Что сказать? Не миновала и старика Паганеля чаша сия. Как в той популярной песенке:

е а а о

«Мое сердце остановилось! Мое сердце замерло...»

Глава 6. Обыкновенное чудо

Девушку звали Лнни. Правда, когда наутро я вновь увидел ее, мне это было еще неведомо. Она в сопровождении какого-то парня карабкалась вниз по переходному мостику на нашу палубу. Вдвоем, держа за синие ручки, они несли большой пластиковый бидон. Бидон, судя по всему, был не легок, литров на тридцать, и в нем, похоже, булькала какая-то химия. Парень был высок, гораздо выше девицы, и я со странным облегчением констатировал, что мы с ней примерно одного роста... *е*

Нести поклажу из-за разницы в росте им было явно неудобно. У меня появился повод вмешаться. Я протянул ей руку – давай, мол, помогу. Она улыбнулась уже знакомой, еще вчера сразившей меня улыбкой.

– Прифьт, как дал? – вдруг выдала она до боли знакомую фразу. *е а*

– Ты преподаешь своим знакомым русский язык? – спросил я первое, что пришло в голову.

– Как ты знаешь? – явно изумленная моей нечеловеческой проницательностью, ответила она вопросом на вопрос.

Она говорила по-русски! Часто ошибаясь, с сильным акцентом, но она говорила по-русски!

Я стоял со счастливой улыбкой дефективного... Видимо, высокому парню все это начало надоедать. Он аккуратно поставил тяжелую флягу на мою ногу и с ледяной вежливостью эсквйра по-английски осведомился: *а*

– Не соблаговолит ли досточтимый сэр принять от нашего экипажа, в качестве скромного презента, этот шампунь для уборки санитарных помещений?

– Что, такой плохой запах? – покраснев от неожиданности и стыда за родной траулер, отчего-то шепотом спросил я.

– Ужасно, сэр. Просто катастрофа, – печально закивал норвежец. – Надеюсь, этот изящный тридцатилитровый флакон гигиенического средства «Хвойный лес» вам поможет.

Парень гулко булькнул флягой с еловой веткой на этикетке. После чего приподнял её и попытался вернуть обратно на мою ногу. Однако я, с несвойственной мне сноровкой, успел отскочить.

– Ничего, ничего. Я помогу! – вовремя решила вмешаться девушка и протянула мне узкую ладонь. – Май нэйм из Лнни. Лнни Бьернсон. Так приятно! *а е е*

– Так приятно! – согласился я вполне искренне и протянул руку, забыв, между прочим, представиться. Она ответила неожиданно сильным для девушки ее сложения рукопожатием.

– Я не нарочно слышать, как тебя называть друзья. Как это... Погоняло! – заявила, довольная своей осведомлённостью, Ленни.

Мне не пришло в голову уточнять, насколько она близка к истине. Чтобы не мучить норвежскую девушку громоздкими для нерусского уха Владимирями, Володями, Вовками и уж тем более Вовочками, я решил примитивно сократить и выдал:

– Влди. Зови меня Влди. *а а*

Какая это была роковая ошибка – я понял позднее. Рыжая скотина Геша засунул мокрый нос в судовую парную, в которой я мирно пребывал, и гнусаво проблеял:

– Влади, девочка моя. Твой суслик идет к тебе. Чмки, чмоки – заодно и помоемся! *о*

Надо сказать, что промысловые суда в рейсе и вправду не благоухают. Когда идет рыба, то просто не до тщательной уборки – нет времени. Это уже на переходе в порт всё судно дряет и мою, сливая грязь в львы мощными струями забортной воды из пожарных гидрантов. *я*

Впрочем, в тот день генеральная уборка на нашем рыбачке удалась на славу!

Боцман с русской щедростью плеснул на палубу половину бывшего в нерусской фляге, мыльного, резко пахнущего хвоей туалетного счастья. После чего принялся поливать это дело мощным напором судового пожарного гидранта.

Эффект не заставил себя ожидать. Наш работяга «Жуковск» начал стремительно превращаться в заполненное душистой хвойной пеной исполинское и невыносимо гламурное джакузи. Чем остервенелее старательнее смывал нарождающуюся пену за борт боцман, тем более агрессивно и вызывающе эта субстанция себя вела... **у**

Происходящее начинало напоминать киносъёмку новаторского триллера с оригинальным рабочим названием «Пена атакует!».

Пахучее, интимно потрескивающее мыльное облако заполняло собой все судовое пространство. Оно проникало в каждую щель... Выйдя из каюты или поднявшись из машинного отделения, человек попадал как бы между мирами. Здесь, как в чёрной дыре, не было ни времени, ни пространства. Вся близлежащая часть Вселенной являла собой потрескивающую, благоухающую хвоей нирвну, банно-прачечный Эдм. **а е**

И только неромантичный капитан Дураченко не оценил этого намека судьбы – дескать, смирись, оставь суету и заботы, отринь страсти, человек, содрогнись перед лицом вечности! Его красное, обрамленное седой бородой разъяренное лицо показалось из верхотры третьего этажа палубной надстройки. Капитанская голова, увенчанная пенной шапочкой, словно нимбом, торжественно и мощно осветилась солнечными лучами из-за просветов облаков. **у**

– Бо-оцман! – раздался сверху усиленный микрофоном громоподобный глас капитана. И еще раз громоподобно: – Бо-оцман!

Несчастный, изнемогший в борьбе с мыльной напастью, мокрый до нитки Устиныч взвёл очи гор. **е**

– Бронислав Устиныч! – продолжил вдруг капитан с неожиданной, что называется – ледяной вежливостью.

Причиной тому была следующая диспозиция – наш пенный ковчег был пришвартован своим правым бортом к левому борту норвежца.

Когда началась эта мыльная, окрашенная неповторимым национальным колоритом опера, весь личный состав «Сенье», включая вахтенных, высыпал на левый борт. По мере явления из недр нижних палуб нашего намыленного морского скитальца очередного плюющего хвойным шампунем пенного призрака, норвежцы все более впадали в состояние клинической истерии. Выход на авансцену главного персонажа – мастера Дураченко в роли Савафа на воздух, сопровождался уже обессиленным молчанием публики. Наш мастер вовремя заметил благодарных зрителей и счел за благо не подливать масла, пардон, мыла в... пространство. **о я**

– Бронислав Устиныч! – продолжил Владлен нарочито спокойным тоном.

– Слушаю вас, Владлен Георгиевич, – не без претензии на свтскость отвечивал мокрый боцман. **е**

– А не жмут ли вам фисткулы, любезнейший? – с медоточивым иезуитством осведомилось начальство. **и**

– Никак нет, Владлен Георгиевич, ничуть, – последовала в ответ чарующая боцманская улыбка из-под усов.

Непринужденная беседа двух светских, точнее, морских львов была бесцеремонно прервана резкой командой по-норвежски. Последняя раздалась по громкой связи из командирской рубки сторожевика. Галерка мгновенно опустела. Зрители без аплодисментов исчезли по местам несения службы.

– Влди! – раздался с палубы норвежца знакомый девичий голос. – Ид на мен! **а и я**

– Не теряйся, Паганюха, беги, а то передумает, – глумливым Петрушкой прогнусавил вездесущий пошляк Геша.

Я не без смущения поднялся по трапу на борт норвежца. Лени взяла меня за руку своей теплой ладонью. Этот, казалось бы, невинный жест вызвал у меня приступ внезапной аритмии.

– Надо брать кимикл анализ фиш, ваш рыба. И еще, наш кук, повр, просила один, два картн рыба нам на обед, – сказала она. **э а о**

Мы заглянули на камбуз, где кук, она же кок – молодая, лет двадцати пяти, рыжеволосая, пышногрудая фру, – посмеиваясь и весело косясь в мою сторону, о чем-то переговорила с Ленни. После этого произошло совсем уж немыслимое. Эта нераскаявшаяся Магдалина приблизилась и, демонстрируя абсолютное отсутствие комплексов, двумя толстыми пальцами предельно ущипнула меня за щеку.

– Найс бэби! – сложив губы трубочкой, смачно прогудела она, словно и в самом деле имела перед собой пухлощекого, розового, пускающего пузыри младенца. Я отскочил, шипя от боли и негодования. При этом я чувствовал, как заливаюсь пунцовым колером вареного лобстера. Агрессорша погрозила мне толстым пальцем и томным голосом добавила по-английски:

– Проголодаешься, приходи, когда захочешь. Я с удовольствием дам тебе грудь.

От дальнейшего, возможно, рокового развития событий меня спасла Ленни.

– Идем! – она по-хозяйски схватила меня за указательный палец и потащила из камбуза.

Я охотно подчинился. Процесс волочения за палец доставлял мне какое-то особое, возможно, эротическое удовольствие. Видимо, все дело было в волочившей меня персоне. **е и**

– Эта повр Мрта – джаст крэйзи, – рассказывала мне по дороге Ленни. – Один бедный бой получал от неё сюда, – Ленни коснулась моего затылка. – Бой сказал, что в её суп много хлори, как у неё здесь, – она похлопала себя по аккуратной упругой попке. – Бедный бой упал в большой кастрюль с горячий суп. Доктор сказал, что его голова из брин ин шок, умотрсение, а низ его спина, как вареный стейк, – невкусно, но можно кушать. **а а э а э я**

Её рассказ и мое эротическое удовольствие от волочения за палец прервал знакомый баритон: **е**

– Капрал Бьрсон! **е**

В узком корабельном коридоре прямо перед нами возвышался собственной персоной майор Свен Бьрсон. Он отозвал Ленни в сторону, коротко переговорил с ней, кивнул и перевел взгляд на меня.

– Хау а ю? – поинтересовалось начальство.

Я было открыл рот, однако Бьрсон опередил меня:

– Р-райт! – ответил он сам себе со знакомым раскатистым **Р** и, заложив за спину руки в черных лайковых перчатках, отправился далее по коридору.

– Вы однофамильцы? – спросил я, когда долговязая фигура исчезла из виду.

– Йа, одна фмэли – рлогс-кйптэн май анкл, – она отперла ключом дверь, и мы вошли в помещение, похожее на кладовую. **э о э**

– Дядя? – удивился я. – Вот те здрасте! Погоди, майор твой дядя! Ты капрал! У вас что, династия?

– Как ты знаешь? – изумилась она в свой черед и смешно приподняла выщипанные бровки. – Йа! Да, династия... Дед моего дяди, майора Свна Бьрсона, приезжать фром Свэдэн. Он был граф Бьрсон, брат король Бернадт. **е о**

– Убиться можно! – изумился я на одесский манер. – Так ты потомок наполеоновского маршала, отпрыск династии Бернадтов, королей Швеции и Норвегии? Ты что, принцесса? **о**

– Йа, принцесс, чуть-чуть, – девушка, очаровательно наморщив носик, показала пальчиками, насколько чуть-чуть.

Неожиданно Ленни обвила руками мою шею и прильнула теплыми солоноватыми губами к моему, пересохшим от вселенского восторга.

Глава 7. Паруса Катти Сарк

По словам все той рыжей бестии Эпельбаума, ваш покорный слуга спускался по трапу на родной борт с «мечтательно-счастливой физиономией клинического идиота». На вытянутых руках я торжественно нёс большую пластиковую ёмкость, весьма напоминающую детскую ванночку для купания младенцев. Ванночка была заполнена пёстрыми картонными коробками. Как выяснилось позднее, внутри этих коробок находились хитро сработанные буржуйские анализаторы качества рыбы. Все вышеуказанные обстоятельства и предметы, вкуче с моей нечеловеческой паганельской ловкостью, превратило такое несложное сооружение, как корабельные сходни, в практически непреодолимое препятствие...

Наверное, в прошлой жизни я был домашним гусем...

Нереализованная мечта о полете тайно жгла моё сердце и в этой жизни. Пролетая над родной, свежeweымытой, благоухающей хвойным мылом палубой, я столкнулся с проблемой выбора. Мне предстояло одно из двух: либо обогнать летящую впереди детскую ванночку с грузом и приземлиться за бортом нашего траулера, либо избрать в качестве более комфортного пункта прибытия родную палубу. Благо, что совсем близко ярким посадочным знаком маячила чья-то рыжая голова...

Близкое знакомство с костлявым арийским естеством Генриха Оскаровича не входило в число моих ближайших планов. Тем не менее встреча двух добрых друзей прошла в теплой непринужденной обстановке...

– Пенипна Дульядд Рма тринадцатый! Свазилнд об Лесто через Антананарву поперек бршпиля! В рот тебе клеш, сволот малолетняя! – блеснул сбитый с ног Эпельбаум знанием географии и прочих гуманитарных наук. *о е а е о и а а*

Наша судовая разведка тем временем не дремала. В русский матросский кубрик пригласили парочку языков из числа юных театралов-десантников. Норвежских ребят, что называется, приманили на любопытство. Наши парни, как говорится, накрыли поляну... и поляна сия заслуживает отдельного описания.

Вы знаете, что такое мороженный рулет из атлантической скумбрии? Не знаете? Тогда поезжайте в Мурманск и спросите! Нет, вы поезжайте и спросите! Ей-богу, оно того стоит!

Филе свежeweыловленной, пухленькой атлантической скумбрии замачивают на короткое время в тузлук, насыщенном соляном растворе, после чего скатывают в рулет с кусочками чеснока, лавровым листом и горошками чёрного перца. Всё это ненадолго замораживают в морозильном трюме... *е*

Получается потрясающий, нежнейший полярный деликатес с остро-пряным, непередаваемо свежим, изысканно оригинальным запахом и вкусом. Льдистое ароматное совершенство самым буквальным образом тает во рту...

Как-то в тропиках примерно по тому же рецепту мне довелось готовить рулет из филе стокилограммовой скумбриеобрзной меч-рыбы. Получилось неплохо, но... не то. *а*

Норвежские гости и их хлебосольные хозяева, в общем, посидели неплохо. Алкоголь в рейсе не приветствуется, но, как говорится, у нас с собой было!

В качестве переводчика дебютировал все тот же рыжий Эпельбаум. Бабушкины уроки родного немецкого языка не прошли для него даром, более того, оказались весьма полезными.

Кстати, норвежские ребята, в отличие от нашей братии, в школе не баклушничали, а действительно учили иностранные языки. Немецкий язык входил в число обязательных предметов.

В процессе русско-норвежского братания при помощи языка Шиллера, Гёте и Шкльгрубера была получена следующая ценная информация: *и*

Прежде всего сторожевик типа «Нордкап» – «Сень» не должен был находиться в акватории острова Медвежий! Здесь вообще в течение нескольких недель не должны были находиться корабли береговой охраны норвежского ВМФ!

Норвежское военно-морское командование временно отозвало все боевые корабли королевства в территориальные воды материковой Норвегии. Причина была в некоем политическом правительственном кризисе в королевстве, связанном со свежеразведенными, огромными нефтяными месторождениями на морском шельфе Норвегии... **е**

По словам наших новых друзей «для отвлечения внимания от нефтяной темы» в газетах выходили заказные статьи, а на телевидении усиленно и нарочито остро обсуждалась тема разграбления русскими морских рыбных богатств страны...

Наш «Сень» только что сошёл со стапелей кораблестроительной верфи. А посему должен был проходить ходовые испытания, то есть бороздить прибрежные воды где-нибудь у побережья, в районе порта Тромсё.

Однако командир «Сень» майор Свен Бьернсон, то ли руководствуясь чувством долга офицера и патриота, желающего приструнить русских, то ли по какой-то иной неизвестной причине, самовольно и самоуправно принял решение следовать в сектор острова Медвежий...

Выслушав юных, подвыпивших, словоохотливых норвежцев, мы рассудили так:

Скорее всего, состоявшееся показательное задержание и демонстративное дефиле с нашим бедным арестованным «Жуковском» имело целью напугать всех потенциальных нарушителей-браконьеров. Эта устрашающая акция предназначалась многочисленной и пестрой группе иностранных, и прежде всего советских, судов, промысляющих у Медвежьего. И лишь внезапно разыгравшийся ураган, а также проблемы с одним из двигателей необкатанного сторожевика «Сень» смешали планы майора Бьернсона.

Честно говоря, наши советские морячки, все до одного прошедшие срочную военную службу, были немало удивлены поведением своих норвежских коллег.

У них возникли элементарные вопросы:

Существовала, а если да, то куда смотрела контрразведка норвежского ВМФ? Проводилась ли хоть какая-то работа с личным составом на весьма актуальную для военных тему: «Болтун – находка для шпиона»? Эти вопросы так и остались без ответа.

Светлым полярным вечером, часов эдак в восемь, в скромном, уютном, немного пропахшем мужским духом и рыбой матросском кубрике возник наш новый корешок до гроба – рик Скелет. Вообще-то вчерашней ночью старший капрал представился как Йрик Брньюльф. Однако уже через пару часов общения с нашими северными альбатросами Бедный Йорик, страдавший, скорее, избытком роста, но не веса, был скоропостижно перекрещен в Юрика Скелета. Иногда для разнообразия к нему обращались иначе. Например, так: **Ю о и**

«Слышь, Юрок, дай я тя, братан, варяжская твоя морда, поцелую. Нет, погоди, сначала выпьем на брудершвхт... или нет, на брудершвйн... ну, ты, зёма, понял». **а а**

Не помню точно, действовал ли уже тогда в королевстве сухой закон или нет, но Йорик, в качестве варяжского гостя, выступать его сторонником явно не собирался. Когда на второй день тощий Йорик появился в русском матросском кубрике, за пазухой у него что-то булькало. Этим что-то оказалась завернутая почему-то в красно-сине-крестоносный норвежский флаг литровая бутылка виски «Катти Сарк»...

Так вышло, что еще вчера нетрезвый толмач Гена Эпельбаум сообщил о своем нынешнем дне рождения и, от широты своей давно обрусевшей немецкой души, пригласил к себе на днюху всю ораву дружелюбных варягов. Следом за Юриком шествовал белобрысый красавчик Фртьоф, вылитый Ди Каприо из «Титаника»; впрочем, тогда Леонардо под стол пешком ходил или даже ещё не родился. **и**

Фртьоф был той самой звездой палубной самодеятельности, разыгравшей перед нами что-то вроде самурайских воинственных разборок. Кроме этих двоих явились еще трое или

четверо незнакомых норвежских ребят. Но главный и самый приятный сюрприз был впереди. На трапе, ведущем вниз в наши матросские покои, знакомый девичий голос мелодично запел:

– Хэпи бёфдэй ту ю! Хэпи бёфдэй ту ю! – На пороге кубрика стояла и улыбалась Моя Ленни.

Она была одета в гражданское, расклешенные синие джинсы и модную в те годы узкую блузку с логотипом шведского квартета АББА. В руках Ленни держала большой круглый и, судя по запаху, свежеспеченный пирог. Пирог был украшен клюквой и дольками лимона. На вершине этого кулинарного шедевра восседал маленький игрушечный клоун с красным носом и красной же, торчащей во все стороны фирменной цирковой прической.

Ленни полагалось в третий раз пропеть «хэпи бёфдэй», но уже с указанием имени потерпевшего. Она, улыбаясь, потыкала пальчиком в сторону зардевшегося, что маков цвет, именинника, призывая присутствующих подсказать его имя.

– Сволочь, сволочь рыжая! – подсказал кто-то из дорогих коллег-товарищей. Гену спасло улучшающееся на глазах владение Ленни нюансами русской речи.

– Най, най! Он не есть сволощ. Он есть... как это – найс сул? – повернулась она ко мне. о

– Душка! – догадался я.

– Йа! Йа! Душка! – Ленни резво запрыгала на месте, рискуя уронить пирог на палубу. Доверив безопасность деликатеса моим надежным рукам, она приблизилась к новорожденному и нежно чмокнула его в пылающую пунцовую щеку.

– Хэпи бёфдэй ту душка! – провозгласила Ленни.

Рыжего проняло до глубины его немецко-русского естества...

Гена весь вечер не сводил с Ленни преданных голубых глаз. Что касается пирога, то он оказался не только с рыбой, но и с ревенем – и в этом была некая скандинавская пикантность. Испекла его Ленни при мощной поддержке пышнотелой Марты, чьим оригинальным предложением о кормлении я так и не воспользовался...

В кубрике было очень тесно и очень весело. Помню ощущение распирающей юношеской гордости, когда дивно благоухающая Ленни уютно расположилась у меня на коленях. Я тут же неимоверно вырос в собственных глазах. Моя обычная застенчивость мгновенно скрылась в волнах гормонального шторма, и я обозрел товарищей взглядом бывшего морского орла. И лишь чуть заметная, явно презрительная ухмылка нордического красавца Фртьофа быстро привела меня в чувство... и

Незаметно дело дошло до культурной программы. Старшина Толяныч достал свою семиструнную, настроил её и взял несколько виртуозных аккордов. Семен Анатольевич исполнял свою любимую «Вершину» из кинофильма «Вертикаль». В 1967 году он, молодой инструктор по альпинизму, познакомился с великим Высоцким на съемках этого фильма. Владимир и Семён оказались, что называется, родственными душами, и даже внешне они походили на братьев. Только Семен был повыше ростом и, как признавался сам Владимир Семенович, лучше, профессиональнее играл на гитаре.

– Профессиональнее не значит – талантливее, – парировал Семен Анатольевич.

Через два месяца, в конце июля, он выйдет под бодрую песенку о Московской Олимпиаде из радиорубки, сжимая в руке смятую радиogramму.

– Семёныч умер, – почти прошепчет он пересохшими губами и замолчит надолго, уставившись на сидящую у кромки фальшборта серую чайку.

А в тот вечер тесный кубрик, набитый людьми, захватила мощная энергетика великой песни, не нуждающейся в переводе. Всякий раз, услышав ее, я вижу лицо Семена, вдохновенно поющего эти строки, – строки, ставшие его судьбой:

Семен погиб через год, в горах на Кавказе, спасая в неожиданный буран группу неопытных альпинистов.

* * *

* * *

*Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил.
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил.*

Глава 8. Поэтический вечер боцмана Друзь

Устав от гама и тесноты матросского кубрика, мы с Ленни покинули пирующих друзей и поднялись по трапу на свежий воздух. Здесь на верхней палубе мы встретили группу лирически настроенных мужчин. На круглых бухтах швартовых тросов, застеленных мягкой, чистой ветошью, у возвышения трюмного люка, накрытого чистым куском парусины, словно за столиком уличного кафе, сидели четверо. Старшина Толяныч тихо напевал что-то под перебор своей семиструнной гитары. Капитан Владлен Георгиевич, словно седобородый посажённый отец на деревенской свадьбе, солидно восседал во главе стола. Рядом старпом Савва Кондратьевич печально покачивал бритой головой в такт гитарным аккордам. И довершал эту живописную группу колоритных мужчин незаменимый и вездесущий боцман Друзь.

К нашему с Ленни внезапному появлению компания отнеслась вполне доброжелательно. Обычно суровый Владлен заулыбался и даже слегка раздурманился, отчего стал походить на подтаявшего Деда Мороза.

– Ситдун, дча, – похлопал он на место подле себя. **а о**

– О, май гад. Как он похож на мой дед рхо! – прошептала мне на ухо Ленни. **У**

– Ну нет, кэп наш не такой уж и гад, – сострил я, не то чтобы слишком удачно.

Тем временем изрядно поддатый боцман, что называется, «снял тапочки и полез в душу». Обняв нас с Ленни за плечи, он со слезой в голосе принялся причитать:

– Ребята мои дорогие! Смотрю я на вас, и душа рыдает. Вы же классика, вечный сюжет – Рома и Юля, Орфей и Эвридика... **и**

Боцман еще чего бы наговорил, но мужика захлестнули эмоции, и он, всхлипнув, с влажным носом полез целоваться. Полез, естественно, не ко мне...

Ленни, прижав к груди сжатые кулачки, со смущенной улыбкой попыталась спрятаться за моей надежной спиной. Спасая свою юную подругу от боцманских ласк, я сам бросился в его благоухающие объятия.

– Устиныч, стихи почитаете? Что-нибудь из классиков. Свои, например, – выдал я спасительную идею.

Бронислав Устиныч окинул публику вмиг прояснившимся взором.

– Вальдамир! – Боцман вскинул голову и принял позу, подобающую, на его взгляд, поэтической декламации.

– Елене, если затруднится с пониманием, все поясню сам.

– На языке Шекспира и Бернса? – догадался я.

– Именно! – не без вызова подтвердил благородный слугитель Аполлона и открыл свой поэтический вечер: – Ода в белом верлбре, – посуровев лицом и голосом, провозгласил декламатор. Мне же, не знаю – почему, примерещилось: ода о белом верблюде. **и**

драматично зарокотал боцман.

Я тут же живо представил себе картину: как на некое побережье ползет на четвереньках хронически нетрезвый мужчина с роковой фамилией Залв. Мужчина нетрадиционно обременен огромным животом. **и**

Несчастный басом стенает и охает, явно собираясь рожать, и не каких-то там мальчиков и девочек, нет – целый город! Несколько смущала проблема отцовства. Хотелось поинтересоваться: кто же, собственно, из двух небесных полярников – луна или солнце – собирается отвечать за содеянное?

– Яай шёнер кке! Я не понимаю! – забеспокоилась Ленни. **и**

– Ты не одинока, – поспешил успокоить я девушку.

Тут зазвучали патриотические мотивы, правда, уже не в белом, а скорее в военно-морском верлбре. Лицо Устиныча приобрело воинственное выражение, а голос посуровел: **и**

«Вот это уже лучше, – решил я, – народу должно нравиться. „Глубине – волне“, даже как-то захлестывает».

– Йа, таккъ. Я понимаю. Стихи про война с Гитлер. Итс ноу бэд. Эт-то неплохо, – подтвердила мое впечатление Ленни.

Далее последовали производственные сонеты. Устиныч здесь «замахнулся на Вильяма нашего Шекспира»:

Частица «лишь б», произнесенная с нервическим скрежетом зубовным, впечатляла особо.

Драматически прозвучало стихотворение «Под судм». Эта была реальная история из жизни Устиныча, когда на траулере «Краснозменск», в народе прозванном «Измена», на боцмана попытались повесить крупную недостачу и даже открыли уголовное дело, грозившее ему немалым сроком за хищение социалистического имущества. **о а**

Особенно эффектно звучала кульминация:

Какой системы, калибра, откуда взялся и куда подевался этот самый пистолет – история умалчивает. Скорее всего, эта была ракетница, стреляться из которой было бы несколько не эстетично...

Зато доподлинно известно, что за работягу-боцмана заступились почти все капитаны флота и, поставив на уши транспортную прокуратуру, заставили следователей спустить дело на тормозах.

Наконец, умаявшись, смолкла стихия советско-норвежской дружбы. Я проводил Ленни по трапу ровно до границы её территории. Все-таки военный корабль не прогулочная яхта, да и демократичности наши соседи выказали более чем достаточно. Опустели палубы обоих бортов, и из своей каптерки под полубаком появился все тот же Устиныч. Это и неудивительно, ведь судно – это место, более всего напоминающее театральную сцену. Здесь постоянно мелькают одни и те же персонажи...

Я заступил на вахту у трапа. Скучно не было – переполняли впечатления прошедшего дня, да и вообще состояние влюблённости не располагает к скуке. Поэтический вечер для меня продолжался. Помню, что всю ночь напролёт я читал про себя разные лирические стихи и до того дошёл, что к утру пару раз прослезился. Эти мои порхания в небесах как всегда испортил поднявшийся по трапу из кубрика помятый именинник. Геша взглянул тухлым взглядом на мою просветлённую высокими чувствами физиономию, пошло зевнул и посоветовал:

– Ляг, поспи, и всё пройдёт.

Не в силах спорить с этой жизненной прозой, я удалился на покой в душный матросский кубрик.

*– Раскинулся залив широкий, на много милей врезался он в землю!
От брака с солнцем и луной полярной рожден им был
на побережье город, —*

*– В борта союзного конвоя торпеды крупновский металл
Вгрызался хищно, за собою надежды он не оставлял.
Но след пиратской субмарины не растворялся в глубине.
Качались траурные пятна на русской северной волне!*

*– Постыла жизнь, и ни к чему пытаться
достоинства хоть каплю сохранить.
Несчастный человек, я должен унижаться,*

лишь б что-нибудь на складе получить.

*– Бьют склянки, значит, срок отсрочен, я в
в глазах уж меркнет жизни свет,
и старый боцман на «Измене»
к виску подносит пистолет...*

Глава 9. Страсти по «Титанику»

Вне нашего «Медвежьего крыла» – нерушимого тысячелетнего убежища, созданного самой природой, – бушевала одиннадцатибальная Кашту – Пьяная Эскимска. *а у о*¹⁴

Так наречена была зародившаяся между Гренландией и Аляской, редкая для этого времени года морская полярная буря.

Американские метеорологи в те годы ещё не страдали излишней политкорректностью, а потому названия бурям и ураганам давали самые фривольные.

Итак, снаружи буйствовала морская буря по имени Кашту – дама пренеприятная во всех отношениях. Горе тому экипажу, чей борт окажется несчастливый. Выйдет ли вдруг посреди жестокого шторма из строя вся ходовая часть судна. Откажет ли бывшее много месяцев в непрерывной тяжкой работе рулево устройство. Или возьмет и взбесится сам корабль, перестав выполнять команды из штрманской рубки. И не будет ни сил, ни времени для поиска причин корабельного безумия. Да и не найти тех причин, поскольку в царстве морских стихий чаще и гораздо сильнее, чем на берегу, действуют эманции мира тонкого, пронизывающие все сущее, но людьми не воспринимаемые. *у а о у а*

Кто знает, может, довольно было самой малости... Да и малости ли. Кто и как может взвесить степень тоски и отчаяния жены капитана обезумевшего судна. Она одна, она видит мужа несколько раз в году. Дети растут, и она все меньше нужна им. Кто спросит – как ей, замужней, без мужа? Каково ей ложиться в одинокую, но отчего-то всё ещё супружескую постель...

И однажды вечером она пойдет в город. Встретится там с каким-нибудь мужчиной, и пойдет с ним, и проведет с ним вечер, а позже и ночь. Ей будет хорошо или просто не так одиноко, и может, она захочет повторить этот опыт еще и еще раз. Но однажды она проснется в слезах среди ночи и поймет, что её любовник чужой, не близкий ей человек. Она же все еще любит мужа и не знает, как посмотреть ему в глаза, когда он все-таки вернется. И вот уже отчаяние захлестывает её душу штормовой волной. Не ведая, что творит, шлёт она страшной силы проклятье. Проклятье мужу и его кораблю:

– Будь проклят ты, мой любимый. Тот, кто оставил меня здесь, на этом постлом берегу, одну! Будь проклят ты и твоя ржавая плавучая домовна! Бездушный кусок железа, покрытый невымытыми иллюминаторами гроб! Будь проклят твой чёртов корабль, который тебе дороже меня! Так плывите же вместе туда, откуда не возвращаются! *ы и*

Суша покрыта несметными скпищами людей, чьи мелкие страсти, властные над ними инстинкты, смутные желания, вязкая повседневная суэта уничтожают самую суть человека – светлую его сторону. Поднимается над городами невидимое облако отчаяния и неверия. Поднимается, и чем его больше, тем плотнее оно в холодной выси. И вот уже возвышается над арелами людских обиталищ та самая небесная твердь, которую чувствовали наши далекие предки. Имеющие духовное зрение уже видели эту, еще тонкую и не сплошную, но обещающую закрыть все небеса исполинскую конструкцию. Полный смысл и предназначение этих куполов непостижим для человека. Лишь некоторые из нас, по счастью или несчастью не утратившие микроны духовного зрения, очень грубо и примитивно, но все же способны увидеть: наша лень, наше безволие, наша ложь и жестокость, наше нежелание каждый божий день преодолевать эту внутреннюю тьму и есть те самые невидимые, мешающие излианию на землю Горнго Света нечистые ледяные частицы. Мы сами порожаем то, что закрывает от нас Небо. *о а е*

А над морем небо чище, даже в шторм и ненастье. Даже если оно закрыто тяжелыми свинцовыми облаками. Мне кажется, что в смертный час всем душам моряков, коль нет

¹⁴ Одиннадцатибальная буря (одиннадцатибальный шторм) – жестокий шторм, скорость ветра 103—117 метров в секунду по шкале Бофорта, высота волн до 16 метров.

на них греха большого, куда как проще оказаться пусть не в Раю, но всё же по дороге к Свету. И не во сне...

В эту зябкую, буйную майскую ночь, светлую, по воле уже вступившего в свои права полярного дня, двоим не спалось. Разумеется, не спала и судовая вахта: моторст в машинном отделении, штурман в рубке и вахтенный матрос у переходного трапа. Схдни были круто задраны вверх по направлению от нашей верхней палубы к главной палубе норвежца. На приливе крепёжные тросы этого деревянного мостика опасно натянулись и грозили оборваться. Пришло время вахтенному матросу поработать и ослабить крепление, приведя трап в божеский вид. Так что не спали и мы. Я – «юноша бледный со взором горящим» – и друг мой – боцман Устиныч. **и о о**

– Пьяная эскимоска? Кашту? – сокрушённо вздохнув, покачал головой боцман. – Вот ведь убогие! Слышали звон!.. Бывал я там, в конце шестидесятых, а эскимосы – родня мне, считай, – как-то странно усмехнулся Друзь. – Между прочим, славный народ – братья наших чукчей. Таких отчаянных друзей-товарищей нет более на свете. Было дело, повстречался траулер-бортовик, на котором я боцманл, с айсбергом, – вблизи Готхба, Нука по-инутски. Это у них, у эскимосов-инутов, столица такая на юго-западе Гренландии. Основали ее рыбачки-датчане и порт невеликий построили. Ну да, эскимосы, конечно, настаивают, что у них там поселение уже лет пятьсот как стояло, еще до принцев этих датских. И, мол, большое селение было, глу в триста штук, по их понятиям, считай, город. **у и о у и и и и**

Летом, как потеплеет немного, чуть снег в низинах сойдет, так они вместо избушек ледяных, глу этих, землянки рыли. Кто из охотников удачливей да науку знает – чмы ставили, как наши чкчи. Для вождей да старейшин сари строили, по местным понятиям, чуть ли не дворцы. Из настоящего корабельного дерева те сарай-дворцы были – того, что море подарило. **и у у а**

А бухта там богатая: на лежбищах из гальки тюлни да лахтки, зайцы морские нежатся. Жирные, что твои купчихи. Глянесьь – и до самого горизонта берег шевелится, клокочет, твякает. Кипит жизнь!.. **е а**

А в море рыбы стада, чисто бизны в прриях. Гуляет рыбка, ходит, боками толкается, туда-сюда, туда-сюда. А нрпа-жирдйка рыбину ухватит, чавкнет пару раз и как бросит в соседок да злобно так заверещит: **о е е я**

«Что это мне за тощий рыбий хвост предлагают?! Я вам не какая-нибудь фря, а как есть уважаемая дама. С моржами в родстве. Мне на обед жирненькую рыбку, высший сорт подавай!»

Ну, так вот. Вели мы там, в Гренландском заливе, рыбный промысел. Тогда только весна началась – лед в море почти сошел, а тот, что остался, рыбачкам-бортовичкм типа нашего – для промысла не помеха. И все бы ничего, да был у нас тогда штурманц молодой, на тебя, Паганльк, похожий... тот же тип психический! **а е е**

– В этом месте я вздрогнул и спросил:

– Чем же я такого сравнения удостоился?

– А ты послушай, – отвечал боцман. – Есть такой тип людей – романтики-созерцатели, ценители красот Божьего мира. Народ этот часто витает в облаках. Пребывает, так сказать, в грних высях. И оттого бывает по жизни непрактичен, но главное, рассеян до крайности. И кстати, по этой причине может быть небезопасен для себя и окружающих. Называется такой психотп – Паганель. **о и**

Такой человек, как правило, много читает, обладает хорошим интеллектом. Будучи доброжелательным к людям, любит делиться информацией. Он владеет развитой речью, красно-речив и в этом плане популярен у окружающих.

Так вот, штурманц того Витьком звали, фамилия Шептцкий. Моряки-то промеж собой Шептлой его окрестили... **а и и**

Кстати, сейчас он с беломорскими рыбаками промышляет – капитаном у них. И капитан знатный – везн. **о у**

Кто как, а Шептла всегда с рыбой. Секрет его в том, что обходится он с рыбьим народом, как воспитанный мужчина с полюбившейся ему женщиной, – всегда с лаской да уважением. На косяк выйдет ну и пройдетя малым ходом рядышком. Вроде как: **и**

«Не поймите превратно, рыба моя дорогая. Интерес к вам имею, не дозволите ли поухаживать? Я, мол, гражданочки скумбривичи или там окуновские, такой „жгучий лягр“ до ваших прекрасных персон ощущаю, что вот не выдержал, решил вас, гражданочки, на свой уютный борт пригласить. Для привтной, мон амр, беседы за рюмкой чаю...» **е е у а у**

Рыбка замечается, а Шептла, не будь дурак, в нужный момент трльчик свой и задйствует. Ну, у кого ничего, а у Шептлы, как правило, в трале завсегда тонн двадцать молодой, красивой рыбки. Ну а больше-то на один подъем и не надо, если больше, подавится рыба в трале – товарный вид потеряет. Тогда у Нука, Готхба, стало быть, Витька Шептцкий совсем еще пацаном был. Да и как штурман – без опыта. Как говорят – «зелень подкльная». Ну вот как ты, пок что... **и а и у о и и е а**

Вахту на мосту Витя с капитаном стоял, с подстраховкой, значит, как младший штурман. А в рейсе, бывает, капитан посмотрит вокруг – все спокойно, ну и пойдет себе из рубки – документы судовые просмотреть или еще что. А ведь не положено это – капитанский мостик на штурманц-салагу оставлять... Ну, да кто без греха? **а**

Ну, Витюша-то наш и учудл. Увидал он «Айзенбрга арктического» – айсберг, в смысле... а они порой красивые, черти. Летом, когда весна и уже солнце в силе, айсберг играет, сверкает под солнечными лучами, будто сплошь бриллиантами усыпанный. Это ведь цельный исполинский кусок льда, замерзший двадцать тысяч лет назад. Несколько тысяч лет он подтаивал да в Гренландское море сползал – а высоты они порой огромной! – пока сам не увидишь, не поверишь. Не поймёшь, что за громадина. А в воде-то всегда теплее, да и солнышко незакатное опять же. Айсберг тот постепенно тает, да так чудн. Иной раз глядишь, плывет по морю – замок короля Артура, а в другой раз – один к одному скульптора Родена «Ромео и Джульетта» из Эрмитажа. В масштабе примерно 1:1000. **и е а о**

Ну и как на такую красоту не поглазеть. А тут как раз такое чудо в полумиле и проплывало. Глядит Витя в бинокль и видит, будто бы на вершине той горы ледяной человек сидит, да преогромный, и то ли в шкуру звериную завёрнут, то ли своей родной буйной шерстью покрыт.

«Ну, – думает Витюня, – не иначе сам Йти, человек снежный. Стало быть, пока этот артефакт ещё тёплый, надо его брать! Даже если от капитана влетит, Нобелевская премия все окупит». **е**

Если ты думаешь, что Витюша наш нуч какой был и про полярные оптические иллюзии да айсберги в мореходке не проходил – так, как в Одессе говорят: «Так нет!». **е и**

Дело в другом. Он ведь как рассудил:

«Оно понятно, айсберг – это штука опасная, и под водой у него в три раза больше массы, чем над водой... Однако когда офигнный айсберг топил охранный „Титаник“, так это ж была картина маслом – солиднк. Но в нашем-то случае с какой стати такой же сверкающий ледяной красавец станет покушаться на старое рыбацкое корыто, пропахшее к тому же не аристократичной „Шанелью“ номер пять, а вовсе даже протухшей по его ржавым щелям рыбой?» **е е я**

Ну и подвернул Витя к этой пятидесятиметровой ледышке поближе, рассчитывал, салага, что втихар... Капитан в тот же момент нелдное почуял. Чувствует, судно на несанкционированный поворот пошло. Может, он в своём капитанском гальюне думу думал, может, еще чего, но замешкался что-то... **я а**

А я в тот момент критический возле своей каптёрке под полубком срик, краску рыжую, которой ржавчину закрашивают, растворителем разводил, и в аккурт, когда Витька на подводную часть айсберга наскочил, я в мрду лица весь тот сурик и принял... **а а у о**

Машина – стоп. Тревога «по борьбе за живучесть судна» названивает, панику нагнетает... Народ пластырь разворачивает 7:7 метров. Готовится с носа, с полубка под киль его заводить. Это если пробоина в прочном корпусе, да ниже ватерлинии, успеть закрыть её временно... Ну, ты знаешь... **а**

Я-то сам как раз этим процессом командовать должен, а с моей личности рыжий сурик стекает... Страшен я...

Люди пугаются – ну как я умом повредился, и на нож мой боцманский косятся...

Капитан, когда сам в рубку влетел, желал того Витюшу придушить, натурально...

Однако застал своего младшего помощника в состоянии прострации, нервный шок, стало быть, у парня образовался...

Только-то и успел он ручку машинного телеграфа в положение «СТОП» вздёрнуть.

... оцепенел!.. **И**

Когда же улеглось все, и с палубы доложили капитану, мол, пробоины в борту нет, зовут меня в рубку, на мостик. Я уже тогда медицинской науке всякий свободный момент посвящал, к экзамену готовился. Ну, поднимаюсь, смотрю...

Витек наш готов... Сам в кресло капитанское усженный и весь из себя неподвижный... Сидит, болзный, без звука, в одну точку уставился... спина прямая, ручки на коленках сложены – вылитая статуя Аминхотпа, фараона египетского. **а е е**

Ну, подошел я и, как полагается по всем правилам психиатрической науки, по личности-то его и хряпнул, чтобы, значит, из шока вывести. Да позабыл я в запарке, что у меня рука-то боцманская, тяжё-ёлая! Не дай боже... Ну, короче, не рассчитал я малость...

Ну и вот! Витюня-то мой, как птичка, в воздух вспорхнул и у дальней переборки на палубу и опустился... Некрупный был парень...

Я смотрю – он опять молчит, только уже лежа.

Ну, думаю себе, Бронислав, из нервного шока ты пациента, похоже, не вывел, а вот в стабильно летальное состояние, возможно, ввёл... Медик ты хренов!

А тут еще второй штурман Борюня, типичный солдат Урфин Джюса... Умён не по годам... сень сенем... **Я я**

Здоровенный бычара и такой же смышленный... Глазёнки свои коровьи на меня вылупил да как заревёт:

«Ты что, боцман, совсем наглость от субординции потерял?! Судоводительский состав сокращать? И где – на нашей исконной территории, в рубке штурманской? Валик ты, – орет, – малярный!» – и биноклем импортным, цейсовским, мне в рыло... **а а и**

Каюсь, не стерпел я слов таких обидных... Личность свою, биноклем задетую, ещё стерпел бы, а вот намеков неприличных в адрес свой, выраженных в форме непристойно-эпической, не терпел и впредь терпеть не намерен...

Безобразие тут форменное началось. Капитан наш был очень даже на одного знаменитого французского комика похож. Веришь, нет, но прямо Лу де Фюнс вылитый, что лицом, что фигурой – метр пятьдесят два в прыжке... **и е**

Так он для харизмы бороду отпустил. Только и проку, что его после этого наши добрые морячки мини-барбсом звать стали. Да братва ещё и траулер, что под его началом ходил, – «Барбс-карабс» окрестила. Бывало, психанёт наш кэп с чего-нибудь и давай от нервов бороденку-то чесать, – ну прям действительно барбска плюгавая... **о о а о**

Короче, плюгаш натуральный, а всё туда же – нас, быков, разнимать кинулся. А ведь он же нам с Борюней по эти, по генитлии... **а**

Ну, задели мы его, болезного, в разминке-то. Глядь, а барбсик-то наш – Капитша – его ещё и так за глаза весь флот звал, лежит у знакомой стенки-переборки, Витюней нашим ранее облюбванной. Короче, лежат они оба два... Трогательные такие, что твои братики-щечочки...

о о о о

В общем, охолодли мы с ругателем моим Борисом от такой Цусмы. Стоим, любимся, гладиаторы хреновы... **у и**

Штурманц Борюня от ужаса голос потерял и тихо так шепчет: **е**

«Устиныч, это же дуplt-мокрха... Получается, ты Витька прижмурил, а я, стало быть, Капитошу... для изящной комплектации». – «Ладно, – отвечаю, – не дрейф, дрейфила. Я же, какой-никакой, а медик... У них у обоих жилы на шеях бьются – живые они, значит». **е у**

Бог миловал, обошлось тогда...

Оттерли мы их, болезных, скипидаром. А когда оба очухались, глядь, а ведь они ни буне помнят, амнезя... память, стало быть, им отшибло... **я и**

Ну, мы с Борисом, не будь мормшки, переглянулись. Боря левым глазом подмигнуть хотел, да как подмигнешь, ежели он у него заплыл напрочь... **ы**

Ну, да я и без того понял, чего он сказать хотел:

«Ври, дескать, боцман. У тебя складнее выйдет...»

Ему что, циклопу бестолковому, а мне грех на душу. Ну не приучен я врать... В жизни за мной такого не водилось...

А куда денешься – жизнь-то заставит. Ну и наплел я глупостей, аж вспоминать противно...

Мне как раз бинокль с треснутой линзой, об мою личность расколотый, на глаза попался. Я и выдал импровизацию:

«А вы, – говорю, – Ромульд Никанрыч (так мастеру нашему родители удружили), когда на мостик после аварии явились, то, себя не помня, да в состоянии аффта пребывая, за штурманский инвентарь схватились и на младшего коллегу замахнулись... Да на наше с вами удачное счастье пребывал рядом с вами второй помощник ваш, Борис Батькович, – мужчина во всех местах героический... И, стало быть, заслонил он от удара вашего могучего отрока сего злополучного лицом своим коровьим...» **а о е**

Тут малость запнулся я – чего дальше-то врать? Однако смотрю, палуба капитанского мостика от моих же сапог вся рыжей краской-суриком измордована...

«Ага! – говорю и вроде как с покаянием: – Я тут давеча у вас на крыле капитанского мостика леер ржавый пошкрбал и нынче же хотел его суриком замазать. А тут, когда нас айсбергом шибануло, сурик тот возьми и пролейся... Ну а вы, Ромульд Никанрыч, по запарке сурик тот на палубе не заметили, равновесие потеряли и головой о переборку приложились. Ну и прилегли... ненадолго». **я а о**

Вроде как складно вышло. Тем более сурик тот с меня всё еще подкапывал и палубу на мостике продолжал пачкать изрядно. Ну, капитан посмотрел на меня подозрительно – не дурак же, чует, не то что-то. Потом глянул снизу вверх на Борню, второго помощника своего, детину, и правда, здоровенного, и вроде как лестно ему стало. Как же, сам мал, да удал... Эвона какого Голиафа отделал! Короче, так размечтался капитша наш, что даже незаметно для себя позу статуи Давида принял... **ю о**

В тот же день получили мы по радио распоряжение с берега – следовать в ближайший порт Готхб для постановки в сухой док и производства ремонта судна. Уже к вечеру встали мы у причала, а к утру подняли наш аварийный траулер в док. Спустились мы с ребятами на палубу того дока. Стоим и смотрим снизу вверх на наш бедный промысловичк. А там та ещё картинка... **о о**

Весь правый борт, от форштевня до середины корпуса, выше и ниже ватерлинии натуральная стиральная доска. Шпангуты через обшивку выпирают, будто рёбра корабельные. Смотрится это жутко, как-то по-человечьи. Глядим, вот и сам виновник торжества стоит, Витя Шептцкий. Незаметно подошёл к днищу траулера. Невеселый... Стоит, смотрит на дело рук своих, а в шевелюре у него, двадцатилетнего пацана, прядки седые... **о и**

* * *

* * *

Глава 10. Честный Урсус

– А что у вас, Устиныч, там дальше-то было с эскимосами этими гренландскими? – спросил я заинтересованно.

– Да уж было, – усмехнулся в сивые усы боцман. – И с эскимосами, и с эскимосками... Про то, как налетели мы на айсберг, махину ледяную, и как поставили нашего рыбака в Готхбе, Нуке по-эскимосски, в сухой док, я тебе уже рассказывал. **о у**

Должен уже ремонт начаться, и тут капитан наш, Ромуальд Никанорыч, получает радиogramму, а в ней говорится, что траулер наш должен идти под фрахт к датчанам на период местного летнего рыбного промысла.

Экипаж наш, дескать, остаётся на борту в прежнем составе. Датчане, они не дураки – русская морская рабочая сила всегда ценилась: и работать умели, что бы там ни говорили, и стоили наши морячки совсем не дорого – по их понятиям, считай, даром. Ну, экипаж наш, как узнал – возрадовался. Это же удача какая – советскому моряку под фрахтом у капиталистов поработать.

Да на материке, чтобы под этот самый фрахт попасть, надо редким жуком быть, и нужные знакомства иметь, и нужных людей из рыбного министерства уметь крутым заморским презентом растрогать. А всё почему: да потому, что простой матрос под этим самым фрахтом за полгода иной раз тысячу долларов зарабатывал, а капитан порой и больше двух тысяч зелёных американских денег.

На Витю Шептицкого, штурманц этого молодого, после того как по его вине мы с айсбергом поцеловались, экипаж поначалу злился. Ну как же – заработка лишил! Сиди, мол, теперь, кукуй в ремонте. А тут получается, что своим юношеским раздолбайством он удачу экипажу принёс. Прямо не пацан, а талисман. И ведь будущее показало, что Витька Шептицкий и правда – редкий удачник и как рыбак, и вообще по жизни... **а**

Меня капитан наш, Ромуальд, в толмачи-переводчики произвел. Для многих датчан немецкий язык тогда – что второй родной был. А я как раз по-германски свободно шпрахую ещё с войны, со школы юнг. Помню, нас старшина Зельдвич сурово по немецкому языку гонял – сто слов за неделю не освоишь, так месяц без увольнения просидишь, а значит, девок поселковых на танцах в клубе ни разу не пощупаешь... **е о**

После войны, когда я свою срочную ещё три года служил, то с немцами пленными вдоволь в их языке напрактиковался. Бывало, даже Лили Марлен на праздник Первомайский певали. Слава богу, до особиста из НКВД не дошло, а то ведь оприходовали бы чересчур дружелюбного дурачка-морячка на Колыму за такую солидарность трудящихся...

Ну, да вернёмся к Готхбу... **о**

Вызывают нас с капитаном в сопровождении представителя Министерства рыбхоза в датский офис частной конторы – фирма она называется, по-нашему артель, значит. Называлась фирма эта «рсус», и герб у них был – белый медведь на задних лапах с огромной рыбиной в обнимку. Рыбина эта чуть не с самого медведя величиной. Правда, держит он её как-то странно, будто целует. Оттого создается такое неприличное впечатление, что мишка этот вроде как рыбу с медведицей перепутал. **У**

В общем, поговорили мы с датчанами. Был там один дядя из министерства нашего рыбного, ферт в фетровой шляпе...

Так он всё со своим как бы английским языком встревал – «тел ми плиз», да «тел ми плиз»... У датчан, по всему видать, от этого долдона аж зубы заныли... такой нудник! А ведь сам-то этих датчан едва понимает, как и они его, зато имеет право главной подписи в контракте с этим «рсусом». **У**

Послушал я этого долдона нашего министерского да перешел на немецкий язык, к их датскому удовольствию. Тут выяснилась одна интереснейшая подробность. В контракте было указано, что минимальная месячная зарплата «фишарбйтера», по-нашему матроса-рыбообра-бтчика, ты не поверишь – 750 американских долларов, а с премией – до полутора тысяч, и еще 1 750 долларов каждому на пять ежемесячных заходов в порт. На каждый заход для отдыха экипажа трое суток выделяется. И при этом питание и одежда, всё за счёт «Урсуса» этого. Я всё это с великой радостью на русский перевёл, и вдруг эта шляпа министерская как давай руками махать: **а о**

«Что вы, что вы, мистеры! Тут в контракте сказано, что наши советские моряки будут от представителя „Урсуса“ все деньги ежемесячно кшем, то есть наличными, получать! Ну, ноу, итс импсибл!» **э о**

Датчане ему с удивлением отвечают:

«Ну да, разумеется, уважаемый мистер, поскольку личных банковских счетов у ваших советских моряков, как ни странно, не имеется».

Тогда этот наш ферг надувается, как рыба-ёж, и авторитетно так заявляет:

«Как представитель советской договаривающейся стороны, я настаиваю на том, чтобы деньги экипажу выдавал наш советский уполномоченный товарищ, в противном случае указанные суммы выплат нашему советскому экипажу категорически не подходят!»

Ну, как ведется, из всей его речи на министерском английском датчане хорошо поняли только последний пассаж. Почесали они затылки свои рыжие да белобрысые и отвечают:

«Что же, мы, пожалуй, согласны. Наша бухгалтерия проявила излишнюю экономию, а потому мы готовы поднять ежемесячный минимум выплат советским морякам до 1 000 американских долларов, но более – ни цента».

А шляпа опять руками машет:

«Вы не совсем правильно меня поняли, дорогие мистеры. Для нас главное, чтобы всю сумму, заработанную нашим советским экипажем, наш советский представитель получал. Вот он всё, что положено и как положено, по нашим советским законам, нашим советским морякам и заплатит. А если вы категорически не согласны, тогда наша советская сторона настоятельно требует УМЕНЬШИТЬ ежемесячный минимум зарплаты одного советского моряка до 250... нет, даже до 200 долларов США».

Тут-то у принцев этих датских челюсти и отвалились. Товарищ этот министерский в натуральный шок ввёл проклятых капиталистов, озадачил их не по-детски. Те, когда в себя немного пришли, обратились ко мне за повторным переводом.

Дескать, что-то мы, несмотря на замечательный английский вашего уважаемого советского господина, не совсем «андестнд». **е**

Ну, я тут же перешёл на немецкий и всю диспозицию этого министерского фрта и объяснил. А у самого аж скулы сводит – как это я себе и друзьям своим прошу заработок урезать. Сам же стараюсь, чтобы господа капиталисты на нашем брате советском работяге побольше прибавочной стоимости поимели... **е**

Тут один пожилой датчанин вперёд выступил, как потом оказалось – вице-президент этого рыбе-медвежьего «Урсуса». И говорит твёрдо, хотя и с волнением:

«Позвольте довести до вашего сведения, уважаемые советские товарищи, что перед вами потомственный марксист-социалист! Мой родной дед лично знал товарища Каутского, так что ценности социализма я во многом разделяю. Беда лишь в том, что то, что предлагает уважаемый советский товарищ, не имеет ни малейшего отношения к марксизму-социализму. Скорее – к кретинизму-идиотизму...»

Так и сказал – идиоти, глупость по-немецки. **е**

...И ещё добавлю. По законам датского королевства, заработок работника выплачивает непосредственно фирма-работодатель, и всяческие посредники запрещены. Да будет вам

известно, уважаемая советская сторона, что основатель нашего предприятия – рсус Смсон, – 120 лет назад начавший дело с одним рыбацким баркасом «Глад Дракр», имел почётное прозвище Честный Урсус. А посему и нынешний Урсус – честный и уважаемый торговый знак, и работает на него честный и компетентный персонал, который простых и честных тружеников моря обсчитывать и обманывать не приучен». **У и а**

Говорит, а у самого аж кожа на голове под седым бобриком от негодования покраснела. Сильно зауважал я тогда капиталиста этого. Тут капитан наш Ромуальдыч вмешался. Хоть и росточком не вышел, а умом бог не обидел. Отвёл он эту шляпу министерскую в сторонку и тихонько ему советует:

«Вы, дорогой товарищ, на компромисс в этом деле пойдите».

А тот долдон отвечает:

«Какой ещё может быть компромисс с министерской инструкцией? В инструкции этой чётко сказано, что, согласно закрытому постановлению ЦК КПСС, месячный заработок в иностранной валюте для рядовых советских работников за границей не может превышать 250 долларов США. Почему? Да потому что у ЦК нашей партии распоряжений не уточняют, а молча берут под козырёк».

Ромуальдыч опять за своё:

«Да вы на компромисс пойдите не с капиталистами-социалистами этими или, не дай боже, с инструкцией ЦК КПСС, а с нашим советским экипажем. Договоритесь с моряками, что после получения месячного довольствия в 750 долларов 500 из них они будут возвращать вашему представителю с письменной гарантией возврата в рублях по государственному курсу. Это же ежемесячная прибавка к рейсовой зарплате в 380 полноценных ярких советских рублей. Это тебе не доллары какие-то невзрачные, серо-зелёные. Какой же дурак откажется?»

Сдвинул министерский дядя шляпу на лоб, почесал в затылке, и говорит:

«А ведь дельное предложение. Нам, работникам министерства, премию за экономию валюты выписывают в чеках Внешторгбанка, и если дело выгорит, то сэкономим мы Родине 15 000 серо-зелёных в месяц, или 90 000 за полгода, а это сумма чревата уже не премией – благодарностью от ЦК, что посерьёзнее любых денег!»

В общем, ударили по рукам, и контракт с этим честным Урсусом подписали. Знать бы тогда, что ждёт меня впереди теплое знакомство с настоящими гренландскими рсусами, ласковыми белыми мишками... у

Глава 11. Таинственный остров

Заслушался я боцмана настолько, что даже подскочил от неожиданного звука, донесшегося сверху из нашей штурманской рубки. Звук этот был похож велосипедный тренькающий звонок, только гораздо резче и тревожнее...

– Это ещё что? – встрепенулся Бронислав Устиныч и по скобам, приваренным к металлу судовой надстройки, ловко и быстро забрался на левое боковое крыло капитанского мостика. Там он через открытую массивную металлическую дверь вошел в рубку.

Я не удержался от соблазна и последовал его примеру. Выражаясь литературно, в рубке царил таинственный полумрак. Неяркий свет исходил только от небольшой лампы, закреплённой над штурманским столом. Траулер наш, как я уже говорил, находился под скалистым навесом, внутри природной каменной ниши. Словно модель игрушечного кораблика, помещённая в полуоткрытую пасть каменного неведомого зверя. По этой причине в пределах нашего судна было достаточно темно. Наружный естественный свет, несмотря на молодой полярный день, не слишком сюда проникал. Недавно пронёсшийся жестокий шторм, буря Кашту, разогнал облака и дал волю полярному солнышку. Однако меньше чем через сутки северные широты напомнили нам о том, что мы совсем даже не в акватории острова Лас-Палмас. Так что небо вновь заволокло привычной серой пеленой низких облаков. **у**

Итак, в штурманской рубке что-то происходило.

Когда я перешагнул через кмингс и вошел внутрь, резкое, бьющее по нервам треньканье внезапно прекратилось – это второй штурман Алексей Иваныч шелчком тумблера выключил звуковой сигнал днного эхолота, будто разом заткнул велосипедиста-невростеника... **о о**

Это был он, тот самый днник, с силуэтом фосфоресцирующей субмарины на скудно подсвеченной, застеклённой панели самописцев. Вспомнилось вдруг, что совсем недавно именно эта антикварная техника вдохновила краснолицего норвежского майора Свенсона на исполнение музыкальной увертюры о жёлтой подводной лодке... **о**

– Ты прикинь, Устиныч! – с удивлением и тревогой заговорил вахтенный штурман Алексей Иваныч. – Решил я, как положено на стоянке, днник наш старенький погонять, самописцы там протестировать... ну и всё, как обычно... Включил. **о**

«Ну, – думаю, – пусть пока попикает, постучит по дну, пока я на вахте».

Он у меня на вахте всегда включен, люблю этого старичка, нервы успокаивает своим БИП-БИП. Бибикает, как наш первый спутник. Ну а этот старикан вдруг взял и растрезвонился, как почтальон деревенский. Я с этим донником не первый год и ни разу такого пере звона не слышал. Когда под ним косяк рыбы проходит, он свое БИП-БИП учащает, и чем плотнее косяк, тем чаще. Но главное, ты глянь, боцман, что он своими самописцами накарябал да сколько туши извел!

Штурман и боцман с озадаченными лицами наклонились к озарённому зеленоватым свечением экрану. Я тоже привстал на цыпочки и через их спины полез глядеть на художества самописцев.

– Ты ещё на шею мне влезь, гусь лапчатый! – сварливо пробурчал второй помощник.

Тем не менее мне удалось разглядеть освещённый экран донника и бумажное рабочее поле для самописцев. Оно было сплошь покрыто чёрной лоснящейся тушью.

– Если это рыбный косяк, – усмехнулся второй помощник, – то не иначе рыбка нашла себе бочку величиной с пару-тройку траулеров нашего типа, упаковалась в неё и таким манером путешествует под морскими просторами. **я**

– А что, под нашей шхерой действительно глубина больше двухсот метров? – с удивлением осведомился боцман.

– Такое бывает, – ответил штурман. – Остров этот древним, давным-давно потухшим вулканом образован. Где-то происходили расколы дна, взрывы при выходе раскалённой лавы в морскую воду, отсюда и резкие перепады глубин на береговом шельфе.

– Ну, что тут у вас опять за хрень? – раздался за нашими спинами знакомый недовольный голос.

Капитан Дураченко, выставив вперёд седую кудлатую бороду, тучный, раздражённый и одышливый, стоял совсем рядом.

Вахтенный штурман, указывая на экран эхолота, принялся рассказывать ему о происшедшем.

Владлен Георгиевич слушал со всё возрастающим вниманием.

Наконец, воздев к пдволоку указующий перст, он почти радостно объявил: **а**

– А ведь это, господа-товарищи, – наша удача под нами проплыла и где-то рядом таинственно пристроилась...

– Да нет, Владлен Георгич, похоже, что объект этот подводный на выход из нашей шхеры в море проследовал, – заметил второй помощник.

– А ты что здесь забыл? – капитан посмотрел на меня через плечо и махнул рукой в сторону выхода. – Дуй к трапу, где положено вахту неси.

В его интонациях уже не было ни злости, ни раздражения. Я спустился вниз на своё вахтенное место. Через некоторое время ко мне вновь присоединился боцман.

– Так что это было? – нетерпеливо прервал я затянувшееся молчание.

– «Наутилус!» – усмехнулся в седые усы Устиныч. – Ты что, Жюль Верна не читал? Роман «Таинственный остров» помнишь? Ну так вот, брат Паганель, тут у нас под Медвежьим крылом тоже своё приключение происходит, – Боцман пребольно хлопнул меня по плечу своей тяжелой лапой.

– Осталось только дожждаться явления капитана Немо, – несколько раздосадованный боцманской лаской и неуместными шутками, заметил я.

Устиныч перестал улыбаться, посмотрел на меня с прищуром и заявил:

– А знаешь, парень, ты ведь и сам не понимаешь, что случайно попал сейчас в яблочко. – Я озадаченно уставился на него. – Больше скажу, – продолжил Друзь. – Сдаётся мне, что явление капитана Немо на этом таинственном острове уже состоялось...

Напрасно я пытался и дальше разговорить боцмана. Устиныч молчал. Его шутки о таинственном острове, Наутилусе и капитане Немо мне ничего особо не прояснили, да и вообще, показались пустым снисходительным трёпом...

– А что, эскимосы и руссы нам больше без интереса? – перешёл на свой обычный говорок боцман. **у**

При этом он сразу превратился в привычного, и более симпатичного мне Устиныча.

Отхлебнув из кружки свежесваренного чаю, боцман продолжил прерванный рассказ:

– Помню, когда вернулись мы на судно, капитан наш махонький и дядя этот министерский решили провести общесудовое собрание. Ну, как и ожидалось от наших неизбалованных работяг, все предложения по поводу валютных выплат прошли на ура. Тем паче, что начальство в те годы, как правило, не делало предложений, от которых можно было отказаться.

Министерский дядя, довольный тем, что всё прошло гладко, тут же распорядился выдать экипажу валюту. Из расчета 2,5 доллара в день на десять дней стоянки. Выходила солидная сумма, 25 американских долларов на одну забубённую матросскую или моторстскую душу. **и**

Впрочем, разный колониальный товар, вроде джинсов-техасов, штанов этих ковбойских, по которым тогдашний, да и нынешний советский молодняк с ума сходит, на этот четвертной можно было в местной лавке целых две пары купить. Я тогда пару таких синих техасов купил себе для работы. Они ведь чем хороши, сколько в них ни трудись на палубе, им сносу нет.

Правда, когда вернулись мы в Мурманск, то заведующий такелажным складом Вахтанг Шавлович, когда узрел меня в штанах этих, так прицепился хуже рыбы-прилипалы:

«Вах, – говорит, – Устиныч, дорогой, как брата прошу – продай мне этот „Ливйс“! Сын Георгий день и ночь клянчит, купи да купи! Заболел штанами парень! Я ему говорю, бидж, парень! Ты своими портками отца с ума сведёшь». *а о а*¹⁵

Ну, я и отвечаю этому завскладом: «Ты чего, Вахтанг Шавлович? Эти портки мной второй месяц ношены-переношены, все сплошь в краске-срике». *у*

А Шавлович мне: «Ничего, брат боцман, не беспокойся. Я в скипидаре-растворителе эти джинсы отстираю, линялые, они даже моднее. Слушай, Устиныч, умоляю – продай за 100 рублей! А то умру от темперамента – на твоей совести будет, батно! Продай, уважаемый!» *о*¹⁶

Ну, я же не фарцвщик какой, не барыга... денег не взял, только на складе у Вахтанга дефицитными немецкими такелажными блоками разжился... так о чём это я? – боцман потряс стриженной седой головой, как бы ставя свои мысли на место. Мне показалось, что он сейчас не так уж и увлечён собственным повествованием. Скорее, его все ещё занимало недавнее странное происшествие с эхолотом, а именно – загадочные показания его самописцев. *о*

– Ну, я и говорю, – продолжил через паузу боцман. – К вечеру получили мы от начальства паспорта советских моряков и на берег гренландского Готхоба по трапу сошли...

¹⁵ Бидж (груз.) – парень. *о*

¹⁶ Батно (груз.) – уважаемый (обращение к мужчине). *о*

Глава 12. Нуук

– Кстати, тогда, – продолжал рассказ боцман, – клеша снова в моду входили, и мрманские менты частенько именовали наших морячков клёшниками. В общем, идём мы большой тёплой компанией по Нууку, как в той старой моряцкой песне поётся... у

Устиныч и правда негромко запел приятным хрипловатым баритоном:

Погода, помню, тогда в Готхбе стояла отменная. Лето как-никак, хотя и полярное. Особых достопримечательностей в гренландской столице нами не замечалось, да и городом это трудно было назвать, скорее посёлком. Всего одна улица, дома все деревянной постройки в один-два этажа. Более всего это местечко Нуук походило на городки Дикого Запада из американских вестернов. **о у**

Порой казалось, что из ближайшего салуна вот-вот вывалится компания подгулявших ковбоев в широкополых шляпах. И тут же от избытка своих буйных ковбойских чувств начнёт палить в воздух из огромных длинноствольных кольтов.

Однако смотрим, в низине виднеется новостройка – длинный такой дом, пятиэтажный, современный – из стекла и бетона, прям дворец посреди хижин. Правда, на высоких сваях построенный, по причине вечной мерзлоты в грунте.

Как и наш родной заполярный Мурманск, располагался этот Нуук-Готхоб не на равнине, а на самых натуральных, привычных нам, северянам, сопках. Как и Мурманск, был покрыт этот Нуук широкими крутыми деревянными лестницами, как корабль трапами. Правда, Мурманск наш смотрелся настоящим Нью-Йорком по сравнению с этим городком.

Идём мы себе, и навстречу разный народ местный. Датчан-европейцев много, в основном понятно – мужики, но и дамочки попадаются. И те и другие одеты по-мужички – в штанах-джинсах по летнему делу да в куртках-кухлянках или во всепогодных куртках-«алсяках», собачьим мехом подбитых. Эскимосы – те с фантазией. Смотрим – сидит на крыльце старуха местная, длинной трубкой дымит. На голове платок пёстрый, китайский, с драконами, и сверх того – советская полковничья папаха из серой мерлушки. Пригляделись, а на папахе той сзади ценник картонный висит с родной надписью: «ВоенТорг».

Ну, говорю, ребята, не первые мы тут, не первые...

Да уж какие там первые! Вдруг вырывается из-за поворота и прёт на нас, подпрыгивая на ухабах... кто бы ты думал! Нет, не иномарка какая-нибудь, а новенький наш «Москвич 412». За рулём раскосый парень лет 25. Машина под ним несётся километров под 100, и ведь там у них не германский автобн какой-нибудь, а нормальная ухабистая дорога. **а**

Гляжу – мать моя! На дороге, прямо посередине, дитё местное в пыли копошится – годов двух, не более.

«Ну, – думаю, – пропадёт карапуз, сшибёт его лихач этот!»

И как-то само собой получилось... прыгнул я, как кенгуру австралийский, метров на пять, ребёнка схватил и вместе с ним в сторонку укатился. Дитё перепугалось, орёт. Народ из домов выскочил. Мамка непутёвая малого своего у меня выхватила и бежать, да и наши все подоспели, суетятся.

А этот автогонщик нукский на «москвиче» – он не затормозил, нет. Понимал, видать, что его на такой скорости занесёт и по инерции вверх колёсами перевернёт. Парень этот и впрямь водилой классным оказался. Управляемый занос мастерски исполнил и машину плавно кормой вперёд поставил. **у**

Я, правда, сгоряча мастерства его не оценил да и обложил трехэтажным текстом при всём гренландском народе. Парень этот понял, что ругаюсь я... да и тюлень бы понял. Стал он умиротворяющие жесты делать – успокойся, мол. А сам говорит что-то. Сначала на английском, потом на датском. Поостыл я малость, как-никак родная душа – полиглот эрудирован-

ный, не дикарь какой. Спрашиваю его наудачу: «Шпрхен зи дойч?» А он мне в ответ: «Я! Я! Натрлих!» *е ю*

Устиныч сделал из кружки добрый глоток крепкого индийского чая со слонем, изящно поправил свои пышные седые усы и продолжил:

Тут я от умиления совсем успокоился. Похлопали мы друг друга по плечам, и началось у нас общение...

Оказывается, наша русская слава не миновала и этот беломедвежий угол...

Представь себе, пригласил меня мой новый приятель по имени Мник, – так он представился, – новое знакомство отметить. Подходим мы с ребятами и нашим новым другом к местному заведению. Салн как салн – прямо из вестерна, а на нём, ты не поверишь, хоть и полярный день на дворе, вывеска неоновая сине-голубая мерцает, и буквы наши, русские. *и у у*

И начертана на той вывеске славная русская фамилия: Гагарин. Только в конце слова вместо русской Н латинская N присобачена.

Заходим внутрь – обычный кабачок, чем-то на наш мрманский ресторан «Полярные Зори» смахивает, только столы без скатертей и не пластиковые, как у нас, а как есть солидные, из морёного корабельного дерева. *у*

Дизайн такой...

Слово это новомодное, малоизвестное, ты мне напомни, я потом объясню, что оно значит.

Заходим мы с нашим провожатым всей клёшной компанией, глядим: твою мамн! Портрет на стене метровый и на нём – Юра Гагарин в русской рубашке, и улыбается своей знаменитой улыбкой, солнышко наше! Фото цветное, увеличенное, и в углу автограф – как положено. Сели мы за стол деревянный, длинный такой, со скамьями, как в деревнях наших, – все уместились. Официант пиво принес, отменное – датское, куда уж там нашему жигулёвскому. Тут наш знакомец встал и тост произнёс короткий: *а*

«Кашта!» *у*

Я-то решил, что это вроде нашего русского «за здоровье!» Ан нет, как Миник потом объяснил, это пожелание мужчинам удачной охоты.

Так что американцы обмишурились, когда циклон, бурю нашу, Каштой обозвали да ещё и пьяной эскимосской выставили... *у*

Выпили мы за дружбу советских и гренландских рыбаков, а Мник мне доверительно так и говорит: *и*

«Рни... – это он меня так из Брониславов перекрестил. – Просьба у меня к тебе: пока вы с друзьями в Гренландии, пожалуйста, не называйте мой народ эскимосами. Мы инуты, а по нашему калааллт – люди. А эскимос – это ругательство, оно означает «пожиратель сырого мяса». *о и и*

Мы и в самом деле никогда сырым мясом не брезговали, но слово для нас звучит оскорбительно. Поскольку ты для меня теперь близкий друг – ааккик, то сделай, как прошу. Я, – говорит, – хочу видеть тебя новым братом, а потому приглашаю тебя поохотиться в компании со мной и младшим братом моим по имени Нанк, что значит медведь. Пусть будут тому свидетели Килк и Имк – небо и вода, а также эти большие сильные мужчины, твои испытанные братья. Ведь ты с ними не раз в диком холодном море охотился на славную большую рыбу». *я а е о*

Красиво сказал, почти как грузин. Беда в том, что кроме меня его гренландско-кавказское красноречие, исполненное на языке Гёте и Шиллера, никто из наших не оценил. Я-то, конечно, перевёл, но это всё одно, что Баха напеть. Одно стало понятно – гренландцы-калааллты народ весьма красноречивый и дружелюбный. *и*

«А что, – спрашиваю, а сам на потрет Юры Гагарина киваю, – неужто, когда первый космонавт Земли вокруг света путешествовал, и к вам, калааллтам, в Нук навевывался?» *и у*

Он смеётся и говорит:

«Нет. Я тогда в Дании в университете учился, а ри (они так Юрий произносят) в Копенгагене королевскую семью навещал. Вот там, на приёме во дворце, меня ему представили как самого лучшего студента самой большой датской провинции самого большого острова на глобусе. Гагарин тогда улыбнулся и сказал, что видел из космоса Гренландию, и что она самая белая и чистая страна на планете. К тому же сверкает под облаками, словно королевский бриллиант». У

Мник тогда, по пути во дворец королей датских, в газетном киоске открытку с Гагариным в русской косоворотке купил. Вот Юра ему автограф на той открытке и подписал. А когда год назад дядя Мника получил лицензию на открытие заведения, то племянник ему идею с названием и подбросил. Вывеску в Дании заказали, да там с русскими буквами что-то напутали. Ну, брат Мника и рассудил, мол, не переделывать же всю работу из-за одной буквы. Дорого, долго, да и далековато будет. **и и и**

Что тут скажешь, – вздохнул Устиныч, – одно слово, капиталисты, деловые ребята. Портит людей мир чистогана.

*И свой покинув борт,
Сошли на берег в порт
Четырнадцать советских морячков.
Идут, сутулятся по узкой улице,
А клёши новые ласкает бриз...*

Глава 13. Два капитана

– Хей, уотч! Алу! – донеслось откуда-то сверху, похоже, из командирской рубки пришвартованного к нам военного борта. *о*

Я подскочил от неожиданности, поскольку стараниями Устиныча почти совершенно переместился в суровую экзотику далёкой Гренландии. Подняв голову, я увидел того, кто окликал по-английски вахту, то есть меня, матроса, дежурящего у трапа. На крыле командирского мостика норвежского сторожевика, опершись на ограждения-леер стоял очень высокий широкоплечий человек. Великан был облачен в куртку тёмного хаки, с поднятым по случаю назойливо морозящего дождя капюшоном. Из-под капюшона выглядывал козырёк офицерской морской фуражки с высокой тульей. *и а* ,

«Дядюшка Свен Бьернсон собственной персоной», – без труда догадался я.

Тускло сверкнула золотом на фуражке командира корвета морская кокрда-краб. Мне совсем недавно уже доводилось видеть эту кокарду с более близкого расстояния, увенчанный королевской короной позолоченный якорёк в овале из красной эмали. Воспоминание о миниатюрном изображении короны норвежских монархов отчего-то вызвало у меня почти родственные, тёплые чувства – припомнилось волнующее романтическое рандеву с юной принцессой Ленни в тесной корабельной каптёрке. *а*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.